

Книга тайн

Борис Воробьев

Борис Воробьев

Книга тайн

«АРДИС дистрибуция»

2016

Воробьев Б. Т.

Книга тайн / Б. Т. Воробьев — «АРДИС дистрибуция»,
2016

«Книга тайн» посвящена удивительным загадкам и нераскрытым тайнам истории. Ее автор, известный современный писатель и путешественник Борис Воробьев, расследует смерть царевича Дмитрия и происхождение Григория Отрепьева, «Завещание Петра I» и судьбу княжны Таракановой, подробности гибели героев гражданской войны Николая Щорса, Василия Чапаева, Григория Котовского и многие другие запутанные исторические «дела»; раскрывает захватывающие факты и рассказывает таинственные мифы о золотом поясе Дмитрия Донского, «сокровищах Трои», короне скифского царя Сайтафарна, идоле северных народов – Золотой Бабе. Отдельная глава посвящена различным мистическим явлениям, в том числе необъяснимым случаям, происходившим в жизни самого автора – странным знамениям, загадочным ночным видениям, удивительным совпадениям и необычным встречам.

Содержание

Глава I	5
Персидский самозванец Гаумата	5
Кем же был Лжедмитрий I?	13
«Княжна Тараканова»: реальности и мифы	19
А если не самозванка?	27
Император Александр I и старец Федор Кузьмич	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Борис Воробьев

Книга тайн

Глава I

Самозванцы, или «Всклепавшие себе имя»

Персидский самозванец Гаумата

Если судьба занесет вас в Ирак, посетите неприметное с виду селение Бехистун, что расположено в 300 км на северо-восток от Багдада.

Дорога пролегает по древнему караванному пути, некогда связывавшему одну из столиц древнеперсидского государства город Экбатаны (современный Хамадан) с известным всем Вавилоном, где в незапамятные времена цвели знаменитые висячие сады царицы Семирамиды (ныне восстановленные), где, согласно Библии, строилась не менее знаменитая Вавилонская башня, где умер величайший завоеватель древности Александр Македонский и где происходило еще много других немаловажных событий.

Но Вавилон от основания был городом чудес, чего не скажешь о крохотном Бехистуне, однако же и тот вошёл в анналы мировой истории. Почему? Да потому, что именно там находится один из выдающихся памятников мировой культуры – так называемая Бехистунская скала, на которой вот уже две с половиной тысячи лет существуют барельеф и клинописная надпись, вырубленные по приказанию персидского царя Дария I Гистаспа.

На барельефе запечатлена победа Дария, которую он одержал в 521 г. до н. э. над девятью претендентами на царский престол. Все они изображены на камне, и первый среди них – маг, или жрец, Гаумата. Он лежит перед Дарием на спине, его рот открыт в беззвучном крике, и царь попирает его ногой, демонстрируя тем самым свою силу, непобедимость и беспощадность к врагам.

Бехистунская надпись (под этим обычно понимают и сам клинописный текст, и барельеф) сделана на трех языках – древнеперсидском, вавилонском и эламском (языке эламитов, родственном дравидийским языкам): государство Дария было столь обширно (состояло из двадцати провинций – сатрапий, каждая из которых являлась, по сути, отдельным государством) и столь разноплеменно, что общение в нём на каком-либо одном языке было попросту невозможно. Историческая же ценность надписи заключается в том, что именно из нее мир узнал о событиях той далекой поры и о маге Гаумате – первом самозванце, о котором сохранились документальные свидетельства.

Проходили века, создавались и разрушались царства, нарождались и гибли народы, а Бехистунская скала, подобно египетским пирамидам, нерушимо стояла на своем месте. Ее видели римские легионы, когда шли под водительством Марка Красса (победителя знаменитого Спартака) на завоевание Парфии; в ее тени отдыхали воины македонских фаланг; мимо нее проносилась арабская конница пророка Мохаммеда и скакали всеокрушающие тумены Чингисхана. Сотни тысяч людей видели барельеф и надпись, но никто не мог сказать, о чем говорится в ней, – ведь никто в мире не знал мертвого языка клинописи.

Но всякое незнание рано или поздно кончается. История расшифровки клинописных табличек длинна и драматична; в ней были удачи и курьезы, но, в конце концов, нашелся человек, сумевший прочитать клинопись. Им был Георг Фридрих Гротенд, 27-летний помощник учителя гимназии в немецком городе Геттингене.

В нашу задачу не входит рассказ о подробностях работы Гротефенда над расшифровкой; тех, кто хочет узнать об этом, мы отсылаем к книге К. Керама «Боги, гробницы, ученые».

К тому же не Гротефенд прочёл Бехистунскую надпись. Он лишь научил других разбирать клинопись; что же касается прочтения знаменитого текста, то это сделал спустя 44 года после Гротефенда англичанин Генри Кресвик Роулинсон. Полный перевод надписи ученый представил Лондонскому королевскому азиатскому обществу в 1846 г. Тогда-то и открылась вся история захвата персидского трона жрецом Гауматой и его последующего ниспровержения.

Но чтобы стали ясны внутренние связи событий, случившихся за пять веков до н. э., необходимо хотя бы вкратце рассказать о том, когда и как сложилась древнеперсидская держава, кто стоял у истоков ее создания и почему обстоятельства повернулись таким образом, что высшую власть в стране захватил не взбунтовавшийся военачальник, не оппозиционный представитель царствующей династии, как то нередко случалось в разных странах, а маг, жрец, которому царская корона как бы и не к лицу.

В ассирийских документах, дошедших до нас с IX в. до н. э., есть упоминание о племенах парсуа и созданном ими государстве Парсуаш. По мнению современных историков, парсуа и являются предками древних персов, населявших в те времена территорию нынешнего Ирана. Возглавляемые вождями из рода Ахеменидов, парсуа образовали многочисленный племенной союз, который со временем стал угрожать даже Ассирии – первой мировой империи древности. В ассирийских же документах есть упоминание и об одном из вождей парсуа, некоем Кире, который жил во времена ассирийского царя Ашшурбанипапа.

Историческая традиция числит этого Кира одним из основателей древнего Персидского царства и присваивает ему первый порядковый номер среди царей ахеменидской династии.

Но Кир I и его соплеменники при всем их могуществе все же были данниками Ассирии, чего уже не скажешь о Кире II, который, объединив в 558 г. до н. э. персидские племена, объявил себя царем Персии и основал столицу государства – город Пасаргады. Однако, освободившись от ассирийской зависимости, Кир II еще целых пять лет подчинялся мидийскому царю Астиагу, которому объявил войну лишь в 553 г. Для победы над мидянами хватило трех лет.

Персы взяли столицу Мидии город Экбатаны, Астиаг был пленен, и Кир II провозгласил себя царем не только Персии, но и Мидии.

Дальнейшие персидские завоевания поражают воображение. В 549–548 гг. до н. э. Кир II захватил Гирканию и Парфию, а через два года – Лидию. Выйдя, таким образом, к Эгейскому морю.

Затем настала очередь государств, расположенных на Иранском нагорье (нынешние Иран и Афганистан), после чего Кир II обрушился на Среднюю Азию, покорив к 539 г. Бактрию и Маргиану, Согдиану и Хорезм. Но эти завоевания были лишь прологом к войне с Вавилонией, о чем Кир II думал не переставая. И час настал – в августе 539 г. до н. э. персидские войска нанесли мощный удар по Вавилону и через месяц захватили его. Вавилонский царь Нибонид был низложен, а город стал одной из резиденций персидских царей.

Таким образом, всего за 14 лет Персидское государство превратилось в огромную державу, границы которой на востоке доходили до Индии, а на западе упирались в Эгейское море. На юго-западе соседом Персии стал Египет фараонов. Однако Кира II постоянно тяготила мысль, что в Средней Азии еще остались непокоренные племена массагетов. Они жили в междуречье Аму- и -Сыр-Дарьи, и в 530 г. до н. э. Кир II пошёл на них войной. Но здесь счастье изменило завоевателю: в одном из сражений он погиб.

На персидский трон взошёл его сын Камбиз. Он продолжил завоевательную политику отца, обратив свои взоры на Египет. В нескольких сражениях 525 г. до н. э. египтяне были разгромлены, и Египет стал персидской сатрапией. Затем Камбиз вторгся в Эфиопию и мечтал о завоевании Карфагена, но в марте 522 г. из Персии было получено сообщение, что власть там захватил маг Гаумата.

Итак, наш герой выходит на сцену. Обуреваемый всепоглощающей жаждой власти, он уже покинул святилище жрецов-магов и вступил в застоявшуюся тишину царских покоев, так опрометчиво покинутых своим хозяином. До трона – один шаг...

Но кто он, этот человек? От его имени, так отличного от имени коренного перса, веет тысячелетней тайной, причастностью к надмирным силам и сокровенным знаниям. Кто он?

Выше уже говорилось, что в начале своего становления персидское государство довольно долго находилось в вассальной зависимости от Мидии, одного из сильнейших государств того времени. Кир II покончил с этой зависимостью и даже подчинил себе Мидию, однако во всех структурах новой державы еще оставалось много мидян, занимавших высокие посты. Особенно сильное влияние они имели в жреческой среде, где их представители, так называемые маги, определяли и направляли религиозную политику страны.

Но почему именно мидяне, а не сами персы контролировали такую важную идеологическую составляющую, какой в любом государстве является религия? Дело в том, что к моменту присоединения Мидии к Персии население последней исповедовало самое натуральное язычество, то есть поклонялось силам природы. Персы почитали солнце и луну, ветер и воду, и главным божеством в их пантеоне был Митра, бог Солнца. Но он еще не достиг того положения, когда культ подобного божества затмевает все другие культы, и в Персии наравне с Митрой поклонялись, например, и Анахите, богине воды и плодородия, и другим, еще более мелким, божествам. А давно известно, что многобожие ослабляет религиозную, а стало быть, и государственную власть.

По-другому обстояло дело в Мидии. Там господствующей религией был так называемый зороастризм, представляющий собой учение, по которому все в мире определяется борьбой двух начал – добра и зла. Само название зороастризм получил от имени пророка и реформатора древнеиранской религии Заратустры (греческая форма имени – Зороастр), жившего предположительно в VII в. до н. э. Суть учения Заратустра изложил в «Авесте» – так называются книги, признанные у древних народов Средней Азии, Ирана, Азербайджана и Афганистана священными.

В разных местах «Авесты» та первичная субстанция, из которой возникло все сущее, называется по-разному – Верховным Существом, Вечной Жизнью, Временем без границ. Наделенная свойствами, непостижимыми для человеческого разума, она сначала воспроизвела свет, откуда возник бог добра Ахурамазда. Затем из этого же света был рожден Ангхро Манья, или Ариман, первоначально столь же чистый, как и Ахурамазда. Но Ариман был к тому же честолюбив и надменен, что сделало его завистливым. Видя это, Верховное Существо осудило Аримана двенадцать тысяч лет пребывать во мраке. За это время борьба между добром и злом должна была кончиться, но Ариман произвел себе в помощь огромное количество злых духов, которые наполнили жизнь страданиями, преступлениями, болезнями.

После трех тысяч лет своего царствования Ахурамазда создал воду, землю, растения, животных и человека. В этом процессе участвовал и Ариман, но его роль заключалась в развращении и уничтожении человека, а также в натравливании злых животных на добрых, то есть в распространении зла по всему лику земли.

Однако Ариман и его помощники рано или поздно должны быть побеждены повсеместно, и в этом исключительная заслуга, как предрекал Заратустра, будет принадлежать человеческому труду. Труд – истребитель зла, и по истечении двенадцати тысяч лет все люди,

а также Ариман и его помощники, будут очищены в океане расплавленного металла, и на землю вернутся ее первозданная красота и утраченные добродетели.

Конечно, зороастризм, где не было места многобожию, обладал всеми преимуществами перед примитивными языческими культами, и это тотчас поняли отцы-основатели древнеперсидского государства. Особенно привлекателен был для них тезис Заратустры о роли труда, но в их собственном переложении. Правители и вельможи сами предпочитали праздность, но зато требовали неустанного труда от своих подданных, ссылаясь на то, что он – от бога. Демиургу же приписывалось и особое расположение к правителям, что давало возможность обосновать божественность царской власти. И в этом персидском венценосцам усердно помогали жрецы-маги, постоянно внушавшие своей пастве, что царь небесный есть покровитель царя земного.

Пару слов о происхождении слов «маг», «магизм». Они идут от индийской мифологии, в которой говорится о так называемом зеркале Маја. В нём отражается все то, что проявляется внешним образом и существует отвлеченно всегда. Это отвлеченное не имеет определенной формы и не принимает никакого вида. Это – вечная жизнь, материя, а одно из ее свойств – огонь, чей культ являлся главным в зороастризме. Достаточно сказать, что маги из опасения осквернить огонь своим дыханием закрывали себе рты специальным покрывалом.

Маги составляли особую закрытую структуру в государственной иерархии, своего рода касту, власть которой поистине равнялась власти царей. Таким магом и был Гаумата. Постоянно находясь вблизи трона, он в подходящий момент без труда захватил его.

Известие об этом, как мы помним, царь Камбиз получил в марте 522 г до н. э. и, бросив все дела, поспешил в метрополию. Однако по дороге туда умер при невыясненных обстоятельствах (есть версия, что он стал жертвой покушения) и неизвестно даже, в каком месте (назывались два города с одинаковым названием – Экбатаны, но, судя по всему, это не соответствует действительности).

Таким образом, огромная империя осталась без правителя – вместо него на престоле сидел самозванец, но об этом пока еще никто не знал. Вернее, знал лишь один человек – брат Гауматы Патизиф, тоже маг, оставленный Камбизом при дворе как доверенное лицо царя и (если верить Геродоту, описавшему в своей «Истории» заговор Гауматы) ставший главным организатором захвата власти.

Как бы там ни было, но шел месяц за месяцем, минуло полгода после смерти Камбиза, а Гаумата спокойно сидел на троне, и никому не приходило в голову, что страной управляет лжецарь.

Спрашивается: как же получилось так, что все оказались слепы и глухи?

Недоумение разрешает тот же Геродот. Оказывается, у покойного Камбиза был родной брат Смердис (так его называет Геродот, хотя он более известен под другим именем – Бардия), на которого как две капли воды был похож Гаумата. Именно этим и воспользовался Патизиф, разославший после смерти Камбиза вестников по всей стране с объявлением о новом царе (что же касается истинного Смердиса, то его еще раньше убили по приказанию Камбиза, скрыв, однако, факт убийства, чем и воспользовался Патизиф).

Но все тайное рано или поздно становится явным. О том, что «в Багдаде не все спокойно», первым заподозрил Отан, один из персидских вельмож, чья дочь Федима была замужем за Камбизом. Следуя персидским обычаям, она после его смерти стала женой Гауматы-Смердиса. Отану показалось подозрительным, что новый царь нигде не показывается и ни с кем не общается. Это было не в традициях персидского царствующего дома, и Отан решил узнать, в чем же тут дело.

«Дочь, – спросил он у Федины, встретившись с ней, – скажи мне, с кем делишь ты свое ложе?»

И услышал в ответ, что Федима и сама этого не знает, поскольку ее новый господин никогда не показывается ей при свете дня. Это еще более усилило тревогу Отана, и он придумал хитроумный, но опасный план, чтобы вывести нового обитателя царского дворца на чистую воду. Подозревая, что им может быть никто иной как маг Гаумата, он вспомнил, что в свое время Камбиз приказал отрезать Гаумате уши за какую-то провинность. Это была зацепка, и Отан, еще раз встретившись с дочерью, уговорил ее любым способом узнать, есть ли у того, с кем она делит ложе, уши.

Страшась в случае провала быть преданной мучительной казни, Федима, тем не менее, выполнила наказ отца и удостоверилась, что под видом царя во дворце уже восьмой месяц властвует самозванец. Убедившись в правильности своих подозрений, Отан тотчас начал действовать. Призвав на помощь шестерых знатных персов, он посвятил их в тайну Гауматы-Смердиса и предложил начать сбор сил для свержения самозванца. Но Отану возразил один из призванных, Дарий. Промедление смерти подобно, сказал он. Нельзя дожидаться, пока к нам придут сторонники, нужно действовать немедленно.

Все согласились с ним и дали клятву во что бы то ни стало покончить с узурпировавшим трон магом.

Операция была проведена быстро и дерзко. Несмотря на отчаянное сопротивление Патизифа и Гауматы-Смердиса, они были убиты и обезглавлены. Народу объяснили произошедшее, и он приветствовал Отана и его товарищей как героев.

Настало время восстановить в Персии законную власть и подумать о ее устройстве. И вот тут мнения разошлись. Трое из семерых произнесли речи, в которых высказали свое видение того, как надо управлять государствами; эти речи удивительны, и мы вкратце перескажем каждую из них.

Первым выступил Отан. Он сказал, что нельзя вновь передавать власть единоличному владыке. От них – и от Камбиза, и от мага – персы натерпелись достаточно, так зачем же повторять печальный опыт? Полномочия, которыми обладает самодержец, а также богатство и роскошь, его окружающие, развращают единоличного правителя, пагубно влияют на его характер и взгляды. Он становится груб и жесток, недоверчив и подозрителен. Он боится потерять свою власть и готов на любые преступления, чтобы как можно дольше удержать ее. Так не лучше ли передать управление страной в руки самого народа? Ведь народное собрание, которое станет верховным органом управления, никогда не допустит того попрания законов, которое является нормой для самодержца.

Но выступивший вторым Мегабиз не согласился с Отаном. Власть следует отдать олигархии, сказал он, и мнение Отана о народовластии – суждение вредное. Нет ничего хуже разнузданной стихии черни. Народ – это темная, неученая масса, поэтому надо отдать власть узкому кругу умных и богатых людей. Это лучшие люди государства, и они, вне всякого сомнения, будут принимать и лучшие решения.

Однако с Мегабизом не согласился взявший слово третьим Дарий (он и станет новым персидским царем). Полностью поддержав его мнение о народе, он в то же время самым негативным образом отозвался и об олигархии. Ее, сказал Дарий, составляют хотя и умные, но, как правило, безнравственные люди, которые к тому же не способны найти между собой согласие, и, стало быть, будут стараться проводить в жизнь только свои взгляды и решения.

В результате в обществе никогда не наступит стабильность. Таким образом, наилучший образ правления – единовластие; наихудший же тот, что предложил Отан, то есть власть народа, демократия. Она не может быть достигнута в силу множества причин, ее место всегда заступает псевдодемократия, когда под видом народовластия управляет кто угодно, но только не народ. Именно при демократии в общественные отношения проникает низость и подлость и возникает круговая порука среди представителей всех ветвей власти.

Сказано не в бровь, а в глаз, и нам остается лишь восхититься глубочайшим пониманием Дарием вопроса, который сегодня очевиден каждому...

Подведём некоторые итоги.

Согласно Бехистунской надписи, а также «Истории» Геродота, в марта 522 г. до н. э. в древнеперсидской державе произошел государственный переворот. В результате, как сейчас говорят, вакуума власти ее захватили два брата-жреца – Патизиф и Смердис-Гаумата, который, пользуясь своей похожестью на убитого царского брата, от его имени семь с лишним месяцев правил персидской империей. Разоблаченный, он был убит, и царем Персии сделался Дарий I Гистасп, который и увековечил вышеизложенные события в клинописной надписи, донныне сохранившейся на скале в 300 км от Багдада.

Ну а каковы на сей счет мнения ученых? Здесь дела обстоят не так гладко. С тех пор как появилась возможность сравнить Бехистунскую надпись с рассказом о заговоре Гауматы в геродотовой «Истории», историки обнаружили немало расхождений в обоих текстах. Например, неверно заявление Геродота о том, что царь Камбиз умер в сирийском городе Экбатаны. В Сирии такого города нет. Экбатаны находились в Мидии и являлись летней резиденцией персидских царей. Но мы уже говорили, что Камбиз умер по дороге в Персию, не добравшись до Экбатан, и, следовательно, его смерть «привязать» к ним невозможно, как впрочем, и к мифическим сирийским.

То же самое можно сказать и об убийстве Гауматы. Согласно Геродоту, оно произошло в Сузах, тогда как Бехистунская надпись указывает совершенно другое место – крепость Сикайавати, которая находилась, как и Экбатаны, на территории Мидии.

Откуда такое несогласие? По-видимому, правы те ученые, которые утверждают, что Геродот не знал о существовании Бехистунской надписи. Поверить в это трудно. Ведь когда Геродот начал свои знаменитые путешествия, прошло всего тридцать лет со дня смерти Дария I, и будущий историк шел, что называется, по горячим следам событий, однако с Бехистунской скалой он, похоже, разминулся. Иначе как объяснить тот факт, что о барельефе и надписи в «Истории» Геродота не сказано ни слова?

Путаница, по-видимому, произошла и с магом Патизифом. Несмотря на то, что в рассказе Геродота он является душой заговора по захвату власти, Бехистунская надпись обходит его полным молчанием. Как же так? Почему организатор переворота предан абсолютному забвению?

Возникает вопрос: а был ли Патизиф?

Об этом еще в середине 30-х гг. размышлял выдающийся знаток истории Древнего Востока Борис Александрович Тураев. Он предположил, что Патизиф – не имя, а титул. В древнеперсидском языке он звучал как «пати-кжятия», что означало «регент» (вспомним, что Камбиз назначил Патизифа управителем своего дома, то есть регентом).

А теперь мы должны сказать о том, о чем не сказали раньше. Основным информатором Геродота по вопросу о заговоре Гауматы был перс Зопир, правнук одного из семерых вельмож, что свергли мага с престола, – Мегабиза.

Зопир жил в Афинах, где и повстречал его Геродот. Но будущий историк не знал персидского языка, они с Зопиром беседовали на древнегреческом, и когда собеседник Геродота вставил в разговор древнеперсидское слово, означающее титул, принял его за имя собственное. Так «родился» Патизиф.

Предположение академика Тураева, на взгляд автора этих строк, очень остроумно и убедительно. Иначе, как и в случае с Бехистунской надписью, не упомянутой в геродотовой «Истории», чем объяснить отсутствие в наскальной надписи имени Патизифа?

Противоречие некоторых утверждений Геродота тексту Бехистунской надписи видится и в том, что историк, по сути, отказывает Дарию в царском происхождении. В своем рас-

сказе он нигде не обмолвился о том, что Дарий I – Ахеменид. Геродот называет его просто сыном Гистаспа, сатрапа одной из персидских провинций. Конечно, ими управляли высокопоставленные чиновники, вельможи, однако – не царского рода. Следовательно, и Дарий I, по Геродоту, всего-навсего сын сатрапа, но никак не Ахеменид.

Эту нелояльность «отца истории» по отношению к Дарию I академик Тураев вменял в вину все тому же Зопиру, который жил в Афинах не из охоты к перемене мест, а потому, что был перебежчиком. Именно недовольство Ахеменидами заставило его покинуть родину и обосноваться в Афинах, именно поэтому он постарался всячески очернить в глазах Геродота Дария I, человека, с которого, по мнению Зопира, начался деспотизм в Персидской державе и который был виновником его эмиграции.

Так Ахеменид ли Дарий I или, как склонен был считать Геродот, всего лишь сын наместника персидской провинции?

Большинство ученых разделяют первую точку зрения, но есть и несогласные, считающие, что Дарий I воссел на трон незаконно и что Бехистунская надпись – его придумка, в которой фальшиво все – и генеалогическое древо Дария, и вся история с заговором Гауматы, потребовавшиеся лишь для укрепления Дария I на троне.

Это, так сказать, мнение обвинителей. Ну а мнение защиты, есть ли оно?

Есть, и заключается в следующем.

Во-первых, говорят защитники Дария I, Бехистунская надпись выбита рядом с одной из оживлённых дорог древности, связывавшей Экбатаны с Вавилоном, и уже сам выбор места свидетельствует за то, что Дарий I, давая повеление сделать надпись, хотел, чтобы о ней узнало как можно больше людей.

Во-вторых, надпись составлена на трех языках – опять же с целью ее популяризации.

В третьих, текст повторен еще и на листах папируса, которые разослали по всем сатрапиям империи. В четвертых, защитники Дария I советуют нам присмотреться к его сподвижникам. К ним относятся и уже знакомый читателям Отан, и доселе не упомянутый Гобрий, сыгравший главную роль во время схватки с магами.

Оба эти человека были, без сомнения, людьми отважными и уж, конечно, не стерпели бы узурпации власти Дарием, а разоблачили бы его. Однако и Гобрий, и Отан без раздумий приняли сторону Дария. Да и сам он, если бы являлся незаконно царствовавшим, разве мог, приступая к созданию Бехистунской надписи, так выпячивать ложь о себе? В таких случаях предпочитают скромно помалкивать.

Самое большое недоумение вызывает несовпадение имени брата Камбиза в Бехистунской надписи и в «Истории» Геродота. В первой он назван Бардией, во второй – Смердисом. В чем причина такой разноголосицы? Возможно, в том, что надпись Дария разделяют с «Историей» Геродота 70 лет, и ученый грек попросту не знал о существовании этой самой надписи, или произошла путаница при его объяснениях с информаторами, что мы видели на примере с Патизифом. Но дело не только в этом.

Наше недоумение в основном относится к тому, что появление загадочного Бардия-Смердиса никак не прокомментировано учеными! Единственное, что делали и делают историки – иногда обозначают самозванца как Лжесмердис или Лжебардия, а если называют просто Смердисом, то указывают в скобках, что так он, дескать, назван в рассказе Геродота. Но почему – об этом нигде ни слова.

Наш рассказ можно было бы на этом закончить, однако сегодняшние реалии таковы, что придётся огоршить читателей неожиданным финалом: не исключено, что мага Гауматы как исторической личности никогда не существовало! По последним данным, версия о нём – все-таки ложная, фактически же 2 апреля (а вовсе не в марте) 522 г. до н. э. власть в Персии захватил настоящий Бардия. То есть никто его не убивал, и никакой маг на троне не восседал.

Произошла, как говорится, «разборка» внутри правящего семейства, когда одного его представителя сменил на царском столе другой. Мировая история полна подобных примеров.

Таким образом, в свете последнего сообщения, маг Гаумата – не только не самозванец, но просто-напросто фантом, призрак, игра воображения.

Так ли это, покажут дальнейшие исследования. ...

Кем же был Лжедмитрий I?

Опросите любого жителя России, худо-бедно окончившего среднюю школу, кто такой был Лжедмитрий I, и вам ответят: самозванец, монах-расстрига Гришка Отрепьев, бежавший в Польшу и там объявивший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Такая точка зрения держится в нашей науке до сих пор. Но если дореволюционные историки (Карамзин, Соловьев, Ключевский) оказались жертвами гигантской фальсификации, инициированной Романовыми (подробнее о их воцарении см. «ТМ», № 8 за 1999 г.), то советским и постсоветским исследователям никто не мешал и не мешает восстановить историческую правду. Тем не менее они по-прежнему твердят: Лжедмитрий I есть Григорий Отрепьев.

В истинности этого утверждения начали сомневаться давно. Уже Карамзин намеревался высказаться по сему поводу в «Истории государства Российского», но под давлением правительственных кругов склонился к традиционной версии. А такие историки, как Костомаров, Иловайский, Платонов (крупнейший специалист по русской Смуте), никогда не отождествляли Лжедмитрия I с Отрепьевым.

Скажем, Костомаров в докторской диссертации, озаглавленной «Кто был Первый Лжедмитрий?», ясно показал, почему человек, 11 месяцев (1605–1606) занимавший московский престол, не мог быть Отрепьевым. Иловайский считал, что под именем «царя Дмитрия Ивановича» выступал некий ставленник польско-литовской аристократии, давно мечтавшей подчинить Москву своему влиянию.

Еще дальше зашёл граф С. Д. Шереметев, председатель российской Археографической комиссии: он был уверен, что тогда на Москве правил подлинный царевич Дмитрий. По этому вопросу Шереметев переписывался с профессором Петербургского университета К. Н. Бестужевым-Рюминым, и тот, будучи весьма осторожен в оценках, все же отвечал ему в одном из писем: «...теперь я вижу и считаю вероятным спасение Дмитрия...».

Подобное высказывание авторитетного историка многого стоит, и научная общественность страны ждала появления книги Шереметева. Но книга так и не вышла (по вине все тех же Романовых, 300 лет скрывавших свою причастность к самозванческой интриге!), а ее автора расстреляли в 1918 г.

В свете бытующих представлений о личности Лжедмитрия I версию графа Шереметева иначе как еретической не назовёшь. Поэтому уместно спросить: а есть ли под ней какие-либо основания?

Для начала надо поставить ряд вопросов, либо совсем не разъясненных историками, либо разрешенных тенденциозно, с поправкой на официальную версию событий.

1. Почему в следственном деле, составленном комиссией князя Василия Шуйского по факту гибели царевича Дмитрия, нет показаний Марии Нагой – бывшей царицы, матери убиенного? Почему нет свидетельства врачей? Почему, наконец, тело не осматривали, а сразу отнесли в церковь и выставили охрану?

2. Был ли царевич действительно болен эпилепсией?

3. Почему так подозрительно схожи показания свидетелей, в том числе тех, кто лично не видел, как погиб царевич?

4. Почему стремительно расправились с предполагаемыми убийцами, даже не допросив их?

5. Чем объяснить поведение царского окольничего Андрея Клешнина, когда он увидел в церкви тело царевича?

6. Почему три дня спустя после угличских событий в Ярославле объявился Афанасий Нагой, испрашивающий у Джерома Горсея, торгового агента английского подворья в Ярославле, лекарства для Марии Нагой?

7. С какими целями приплывала на стругах в Углич казацкая ватага донского атамана Корелы, покинувшая город в день убийства царевича?

8. При каких обстоятельствах Григорий Отрепьев получил (да и получал ли?) от инокини Марфы, в миру Марии Нагой, нательный крестик ее сына?

9. Кто был таинственный монах Леонид, спутник Отрепьева в его скитаниях по монастырям? О Леониде рассказывают письменные источники того времени, но ни словом не упоминают нынешние учебники истории.

10. Чем объясняется несоответствие в возрасте между тем, кого принято именовать Лжедмитрием I, и настоящим Григорием Отрепьевым?

Если ответить на эти вопросы, сообразуясь с реалиями жизни, а не подгоняя ответы под официальную версию, сложится картина, совершенно не похожая на привычную, и мы заглянем в такое тёмное закулисье отечественной истории, о коем и не догадывались.

Убийство царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г. послужило своего рода ключом, с помощью которого завели механизм русской Смуты XVII в. Едва о случившемся узнали в Москве, как в Углич отрядили правительственную комиссию во главе с князем Шуйским. Ему помогали митрополит Крутицкий Геласий, окольничий Андрей Клешнин и дьяк Елизар Вылузгин. Они учинили расследование и пришли к выводу, что царевич погиб от несчастного случая – сам накололся на нож во время эпилептического припадка.

Итоги работы комиссии отражены в следственном деле, озаглавленном «Обыск». Долгое время оно пылилось в архиве, но в конце концов попало на глаза исследователям. Тогда и выяснилось, что в нём не хватает весьма важных документов: показаний Марии Нагой, свидетельства о смерти царевича и протокола осмотра его тела. Почему?

Может быть, состояние юриспруденции и медицины в конце XVI в. было таково, что подобные формальности не требовались? Но множество судебных дел, сохранившихся с той эпохи, доказывают: и акт об осмотре тела, и медицинское свидетельство были обязательны. В «Обыске» это правило нарушено. С какой же целью?

Хотя бы ради сокрытия истинного положения вещей. По Угличу ходили упорные слухи, что царевич не зарезался, а зарезан. Что дал бы в таком случае осмотр тела? Вероятно, обнаружили бы множественные ранения (объявлено, что убийц четверо), а не одну рану, и подтвердилась бы версия о заказном убийстве. А поскольку в организации его подзревался правитель Борис Годунов (что, кстати, по сей день не доказано), пришлось спасти его репутацию. И следственное дело фальсифицировали – потому и не оказалось там ни медицинских заключений, ни показаний царицы-матери. Пока удовлетворимся таким ответом на первый вопрос.

Следующий – страдал ли царевич эпилепсией – на первый взгляд кажется неправомерным. Мыслимо ли сомневаться в столь хрестоматийном факте? Да, но нет НИ ОДНОГО документа, датированного ранее мая 1591 г., где упоминалось бы о болезни Дмитрия. Впервые о ней сказано именно в «Обыске», откуда эта информация затем перекочевала во все ученые (и учебные!) труды. Или «черный недуг» царевича тщательно скрывали? Не исключено.

Однако жизнь чаще всего подтверждает поговорку: шила в мешке не утаишь. Как бы строго ни блюли тайну о состоянии здоровья наследника трона, рано или поздно что-то вышло бы наружу. Но никаких «утечек» не зафиксировано.

Кроме того, если царевич болел падучей, кто же поверит, что мать запросто отпустила его во двор играть с ножом?! Ведь для семейства Нагих Дмитрий был не просто родным, а

наследником престола – что, во-первых, гарантировало ссыльным Нагим личную безопасность, а во-вторых, давало им уверенность в будущем. Все знали: царь Федор немощен и вряд ли долго протянет, и тогда на трон взойдёт Дмитрий.

А коли так, ни о какой небрежности надзора за ним не могло идти речи. В подтверждение – два слова о том, как опекали царевича Алексея, больного гемофилией. С него буквально не спускали глаз, за ним ходил по пятам (и нередко носил его на руках) специально приставленный к нему дядька, матрос Деревенко, и, уж конечно, Алексею были запрещены все резвые игры, при которых он мог бы пораниться.

Тут же – поистине идиотский случай: ребёнку, подверженному эпилептическим припадкам, вручают нож и отпускают играть в «тычку» на задний двор! Где он и зарезался, согласно «Обыску», или где его убили, согласно слухам.

С болезнью Дмитрия напрямую связаны показания свидетелей, имеющиеся в «Обыске». Они любопытны тем, что повторяют одно и то же, будто разные люди зазубрили один и тот же текст, как азбуку.

Боярыня Волохова, царевичева мамка (по слухам, соучастница убийства): «Играл царевич ножиком, и тут пришла на царевича та же черная болезнь и бросила его о землю, и тут царевич сам себя ножиком поколол в горло...».

Ирина Тучкова, кормилица: «...как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках, и он ножом покололся...».

Мария, постельничая: «...и пришла на него болезнь черной недуг, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся».

Пономарь Огурец: «...и пришла на него старая болезнь падучий недуг, и он ножом сам себя поколол».

Четверо детей, якобы игравших с царевичем в тычку: «...и пришла на него болезнь падучий недуг, и набрушился на нож...».

Завидное однообразие, не правда ли? Все пять свидетельств выглядят как пять унитарных патронов, которыми впору заряжать обойму. Две вещи сразу бросаются в глаза: согласное упоминание о «черной болезни» и согласное же Смерть царевича Дмитрия. утверждение, будто Дмитрий «сам покололся».

Легко поверить, что о падучей знали мамка, кормилица и постельничая, ежедневно общавшиеся с царевичем, но откуда знал пономарь Огурец, человек, далекий от семейства Нагих, и, уж конечно, не посвященный в их семейные тайны? Мало того, именно Огурец единственный подчеркнул, что болезнь – СТАРАЯ!

Тянем ниточку дальше. Истории известно, что 15 мая 1591 г. угличане по указке Нагих убили 12 человек, подозревавшихся в покушении на царевича. Имён восьмерых мы не знаем, четверо же – обвиненные в убийстве – фигурируют в следственном деле. Это отец и сын Битяговские, сын боярыни Волоховой и Никита Качалов. Как на убийц на них показали Нагие. Но разве в интересах последних столь скорая расправа? Ведь она лишала возможности узнать от убийц, кто их подослал!

Опять, как и в эпизоде с ножом, Нагие выглядят людьми исключительной глупости и выдающейся безответственности. Между тем, по крайней мере, глава клана – Афанасий Нагой – отличался умом дальним и острым. Недаром еще царь Иван поручал ему ответственные дипломатические дела! И такой-то человек допустил расправу над людьми, показания которых могли бы предоставить единственный шанс выйти на организаторов заговора против царевича?! Верится, мягко говоря, с трудом.

Но все встаёт на свои места, если предположить, что 15 мая 1591 г. в Угличе убили не царевича Дмитрия, а подставного мальчика. Невероятно? А иначе зачем так строго охранять тело убитого? Без медицинского освидетельствования, повторяю, его сразу отнесли в

церковь Св. Спаса и затем пускали туда только членов московской комиссии и ближайших родственников. Нагие всеми правдами, а пуще неправдами старались уверить общественное мнение, что царевич погиб, и потому сначала расправились с Битяговскими (чтобы некому было проболтаться о подмене), а затем до предела ограничили доступ к телу (чтобы никто этой подмены не заметил *post factum*). Объясняется и легкость, с какой Нагие отправили мальчика играть в тычку: мальчик-то «фальшивый»!

Следующая загадка – казус, случившийся с Клешниным, когда следственная комиссия вошла в церковь Св. Спаса. По словам летописи, окольный остолбенел и потерял дар речи, едва взглянув на убитого. Что же так поразило его, единственного из членов комиссии, кто знал Дмитрия в лицо? В свое время смелое предположение на сей счет выдвинул писатель Федор Шахмагонов: «Он (Клешнин. – Б.В.) увидел тело убитого отрока, а не царевича...».

Можно только гадать, отчего Клешнин не разоблачил подмену сразу же, но нет сомнения, что по приезде в Москву он обо всем подробно доложил правителю. Более того, есть основания считать, что не только Борис Годунов, но и царь Федор ЗНАЛ о мистификации в Угличе и держал ее в тайне. Утечка информации взорвала бы хрупкое спокойствие государства, и Смута началась бы на девять лет раньше.

Объясняется и таинственное исчезновение Афанасия Нагого из Углича в день приезда следственной комиссии. Она, как известно, арестовала всех Нагих, кроме Афанасия, – его не могли нигде отыскать. Он объявился лишь через три дня – в Ярославле, у английского торгового агента Горсея. Нагой сообщил ему о смерти царевича, а также об отравлении царицы – будто бы у нее выпадают волосы и сходят ногти, и он, Афанасий, просит его, Горсея, Христа ради помочь лекарствами. Получив от английского купца нужный настой, Афанасий уехал в Углич, но туда не прибыл.

Очередная мистификация. Зачем она понадобилась? Разве в Угличе не имелось лекарств? Или Афанасий, зная о хороших отношениях между Горсеем и Годуновым, позаботился таким образом, чтобы правитель получил сведения о смерти царевича из «независимого источника»? И поверил сообщению – чего Нагой единственно и добивался. Годунова нужно было во что бы то ни стало убедить, что царевича больше нет, – только тогда удавалось выиграть время, чтобы надежно спрятать Дмитрия.

В тот же день, 15 мая 1591 г., произошло еще одно примечательное событие, отчего-то не привлечшее внимания историков: от угличского причала отошло несколько стругов, принадлежавших донским казакам во главе с атаманом Корелой. Когда они прибыли в город – не так уж важно. А вот зачем... Хотя и этим вопросом можно бы не мучиться, если бы не роль, которую сыграл Корела через 12 лет, став вернейшим соратником Лжедмитрия I. Случайность, конечно, не исключена, но такие случайности бывают только в плохих романах. Скорее всего, визит казаков в Углич – запланированное мероприятие, и, по мнению некоторых исследователей (например, Петра Васильева), струги не случайно отбыли из Углича в тот самый день. Ибо пассажиром одного из них был... живой и невредимый царевич.

Издавна интересовали историков отношения инокини Марфы и самозванца. Почему та отдала нательный крест сына какому-то безвестному бродяге, явившемуся к ней в монастырь одетым в рубище и в сопровождении такого же, как он, оборванца? Мнения специалистов сошлись на том, что Отрепьев получил крест либо с помощью какой-то дьявольской хитрости, либо запугав старицу, душевно ослабленную долгим заточением. Здесь мы подходим, пожалуй, к главному – к личности загадочного монаха Леонида, спутника Отрепьева.

О существовании Леонида никогда не слышали даже студенты первых курсов истфаков. А между тем его личность – ключевое звено самозванческой интриги.

Любой, кто знает – из учебников истории либо из пушкинского «Бориса Годунова» – обстоятельства побега Отрепьева из Чудова монастыря, запомнил и его товарищей Варлаама

Яцкого и Мисаила Повадьина, бежавших вместе с ним, и считает, что беглецов было трое. Но исторические документы свидетельствуют о четверых! И первое свидетельство такого рода содержится в «Извете» самого Варлаама (т. е. его показаниях как сообщника Отрепьева по побегу, данных правительству Василия Шуйского, теперь уже царя, в 1606 г). Автор повествует, как он, не желая вместе с Отрепьевым покидать Киево-Печерскую лавру, просил настоятеля оставить его, на что тот ответил: «Четверо вас пришло, четверо и подите». Позже много спорили, кто же был четвертым; называли провожатых – монахов Ивашку Семенова и Пимена, но в конце концов дружно сошлись на Леониде. О нём упоминают многие источники того времени: «Иное сказание», «Повесть, како восхити царский престол Борис Годунов», «Сказание о царствовании царя Феодор Иоанновича», «Записки» капитана Маржерета, «Хроника» Буссова и т. д.

Но кто же такой Леонид?

Сенсационные сведения о нём отыскались в синодике Макарьевского монастыря на Нижегородчине. Та поминальная книга, начатая еще при Алексее Михайловиче, предназначалась для занесения в нее лишь имён русских царей, высших церковных иерархов и наиболее знатных бояр и дворян. И в их списке – сразу за митрополитами и архиепископами – указан... инок Леонид! А уж затем идут Мстиславские, Шуйские, Романовы. О чем это говорит? Не о том ли, что спутник Отрепьева, с которым тот посетил инокиню Марфу (Марию Нагую) в монастыре и которому она отдала нательный крест царевича Дмитрия, и был самим царевичем? Подчеркиваю – Марфа отдала крестик именно Леониду, а не Отрепьеву!

Такой вывод кажется шатким лишь на первый взгляд. О том, что Лжедмитрий I и Отрепьев – разные люди, говорили как их современники, так и ученые более поздних времён. Григорий Отрепьев – лицо, несомненно, историческое, но он старше Лжедмитрия I минимум на 10 лет. Последнему в описываемый период было года 23–24, чему есть документальные подтверждения (хотя бы письмо папского нунция в Кракове – Рангони), тогда Отрепьеву – не менее 36.

Позвольте, спросит читатель, разве можно рассуждать о возрасте Отрепьева, коль скоро точная дата его рождения неизвестна? По официальной версии, он появился на свет на рубеже 70-х – 80-х гг. XVI столетия... Оказалось, кое-какие сведения о его жизни сохранились в истории церкви. В частности, описываются торжества в Пскове и Новгороде в честь одного из святых в 1597 г.: на них присутствовал ни кто иной как дьякон Григорий Отрепьев! Представлял он там особу патриарха Иова, и тот даже поручил Отрепьеву составить канон в честь святого. Дьякон его составил и ПОДПИСАЛ ТЕКСТ! Следовательно, появилась возможность сравнить почерки Отрепьева и Лжедмитрия I. Так вот: анализ не выявил между ними никакого сходства!

Но вернемся к возрасту Отрепьева. Итак, в 1597 г. он служил дьяконом. По церковным правилам, этот чин давался человеку не моложе 29 (прописью – двадцати девяти) лет от роду!

Значит, в 1605 г. Григорию Отрепьеву было не менее 36 лет. Если на московский трон сел именно он, то как ему «удалось сбросить» как минимум 12 лет?

Зато стоит допустить, что на русском престоле тогда сидел не самозванец, а подлинный Дмитрий Иванович, как тотчас разъясняются все странности и нестыковки. Другое дело, что общественному мнению трудно отказать от стереотипного взгляда на вещи. Слишком долго людям внушали, что «царь Дмитрий Иванович» есть Лжедмитрий I, а тот, в свою очередь, есть Григорий Отрепьев. Зачем внушали – тема особая.

Каков же общий вывод? Видимо, только один: обстоятельства гибели царевича Дмитрия в Угличе в том виде, как они изложены в «Обыске», в полной мере не отражают случившегося. Не исключено, что царевича спасли и что именно он царствовал на Москве в 1605–

1606 г. А что касается его «неправильного» поведения, отмеченного современниками... Да, царь Дмитрий нарушал русские обычаи и обряды, неверно прикладывался к иконам, говорил с заметным акцентом. Что ж удивительного – целых 12 лет, причем с раннего детства, Дмитрий жил среди «ляхов»! Он вполне мог не только основательно подзабыть уклад русской жизни, но и приобрести польский акцент, впоследствии так смущавший московитов.

«Княжна Тараканова»: реальности и мифы

Арест в Ливорно

С утра 21 февраля 1775 г. набережную небольшого итальянского города Ливорно заполнили толпы людей. Судя по оживленным разговорам, все ждали какого-то красочного представления. А оно и в самом деле готовилось: как стало известно, в этот день русскую эскадру, стоявшую на рейде Ливорно, должны были посетить великая русская княжна и ее жених, граф Алексей Орлов-Чесменский, командующий морскими силами России в Средиземном море. Приезд столь высоких гостей не мог не сопровождаться торжествами, и толпа на берегу с нетерпением ожидала прибытия принцессы и графа.

Наконец они появились, и великая княжна, бережно поддерживаемая под руку Орловым, пересела из кареты в шлюпку, доставившую ее к борту «Исидора», корабля, на котором держал свой флаг командир эскадры контр-адмирал Самуил Грейг. Великую княжну подняли на палубу, и над рейдом раздалась музыка корабельных оркестров; матросы, стоя на ряях, украшенных флагами расцвечивания, кричали «ура!»

Встреченная Самуилом Грейгом, принцесса обошла корабль, приветствуя выстроившихся офицеров и матросов, после чего избранное общество направилось в адмиральскую каюту, где уже был накрыт роскошный стол. Последовали многочисленные тосты, кубки едва успевали наполнять. Затем все снова вышли на палубу, поскольку начались корабельные маневры.

Великая княжна была в восторге от зрелища. Захваченная им, она потеряла ощущение времени и очнулась лишь после того, как почувствовала какое-то движение у себя за спиной. Оглянулась и увидела караул с гвардейским капитаном во главе. Ни графа Орлова, ни адмирала Грейга, которые только что стояли рядом, нигде не было.

– Что сие означает? – спросила великая княжна.

Начальник караула положил руку на эфес шпаги:

– По именному повелению ее императорского величества вы арестованы!

Княжна не проявила ни малейших признаков страха.

– Немедленно позовите графа Орлова! – приказала она тоном, не допускающим возражения.

– Граф, как заговорщик, арестован по приказанию адмирала, – отвечал начальник караула.

Это был заведомый обман, но женщина, называвшая себя великой русской княжной, не знала, что стала его жертвой, и по-прежнему настаивала на немедленном свидании с графом Орловым. Пришлось применить силу.

Под конвоем солдат ее отвели в каюту и заперли там вместе с камердинером и служанкой.

Особа, чей арест мы только что описали, считается одной из знаменитейших самозванок всех времён и народов, носившей множество имён: дочь гетмана Разумовского, принцесса Волдомир, внучка шаха Надира, персидская княжна Апи-Эмете, Азовская принцесса, фрау Шолль, г-жа Франк, мадам де Тремуйль, княжна Радзивилл, пани Зелинская, графиня Пинненберг, «последняя из дома Романовых княжна Елизавета». И хотя она никогда не называла себя княжной Таракановой, именно это имя навсегда пристало к ней и прославило ее в истории.

Выдавая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Разумовского, она так ловко распускала слухи о себе, что общественное мнение тех лет было уверено: княжна Тараканова – действительно царское дитя.

Об этом говорили и писали как ее современники, так и люди позднейшего времени, а известный русский художник, академик живописи К. Д. Флавицкий, создал знаменитую картину, изображающую гибель Таракановой в Петропавловской крепости. Событие случилось якобы в 1777 г. во время сильнейшего наводнения в Петербурге, когда княжну забыли (по другой версии, не захотели) вывести из камеры.

Но то – легенда. Самозванка (в официальных бумагах она проходит как «всклепавшая на себя имя») действительно содержалась в Петропавловской крепости, но не утонула во время наводнения, а умерла за полтора года до этого, в декабре 1775 г., от чахотки. Документы о ней (ее письма, переписка о ней между графом Орловым и Екатериной II, розыскное дело, которое вел фельдмаршал А. М. Голицин) позволяют достаточно подробно проследить путь самозванки (или настоящей принцессы?) и изумиться его извивам и той поистине нескончаемой череде превращений, через которые прошла женщина, в конце концов, назвавшая себя княжной Елизаветой Всероссийской.

От Парижа до берегов Адриатики

Документально подтверждено, что первое появление княжны Таракановой на политической сцене относится к весне 1772 г., когда она объявляется в Париже, именуя себя то княжной Волдомир, то персианкой Али-Эмете. Однако в книге французского автора де Кастеры, вышедшей в 90-е гг. XVIII в., есть рассказ о том, что еще в 1767 г. известный польский вельможа Кароль Радзивилл, яростный противник России, взял на воспитание девочку, которую молва считала дочерью императрицы Елизаветы и которую позднее Радзивилл выпустил на подмостки истории в роли самозванки. Однако этот факт оспаривается целым рядом исследователей.

Как бы там ни было, но в 1772 г. наша героиня появляется, повторяем, в Париже. Выдавая себя за наследницу богатейшего состояния, которое должна вот-вот получить, она ведет роскошный образ жизни, напрапалуя занимая деньги у французских банкиров, очарованных прекрасной «персианкой». До тех пор, пока в начале 1773 г. кредиторы не подступили к ней вплотную. Тогда Али-Эмете, не долго думая, покидает Париж и оказывается в Германии, во Франкфурте-на-Майне.

Но деньги требуются и там, и княжна Волдомир находит человека, готового ради нее на любые траты. Это был некто князь Лимбургский, холостяк сорока двух лет. Он претендовал на герцогство Шлезвиг-Голштинское, имел свой двор, крохотное войско, право награждать орденами, а главное – свой бюджет. Это интересовало Али-Эмете в первую очередь, и она быстро прибрала князя Лимбурга к рукам. Очарованный ею, он совсем потерял голову и предложил прелестнице руку и сердце. Но она не торопилась с замужеством, вынашивая совершенно иные планы.

А тем временем в ее окружении появляются новые люди, и среди них шляхтич Михаил Доманский, эмигрант, мечтавший о воссоединении Польши (она была разделена летом 1772 г. между Россией, Австрией и Пруссией), отличавшийся большой храбростью и воинским мастерством. К тому же он был очень недурён собой, что тотчас отметила княжна Волдомир, которая вскоре сделала Доманского своим любовником.

Но ее альковные дела нас интересуют меньше всего; гораздо важнее другое: был ли Доманский тем человеком, который, как считают некоторые историки, заронил в ее сознание мысль назваться наследницей российского престола? Конечно, невозможно ответить на этот вопрос со стопроцентной гарантией, однако есть факты, наводящие на определенные размышления, и главный среди них – те изменения, которые произошли в поведении княжны после знакомства с Доманским. Если раньше она называла себя многими именами, но ни разу – дочерью императрицы Елизаветы, то именно в декабре 1773 г., когда в ее жизнь вошёл Доманский, княжна Волдомир впервые объявила о своем праве на российский престол.

Чем объяснить такой факт? Вероятно, лишь тем, что «дыма без огня не бывает», и Доманский действительно навел свою любовницу на мысль «всклепать на себя имя».

Но действовал ли он самостоятельно? Едва ли. Скорее всего, за развитием событий следили и направляли их некие силы, заинтересованные в возникновении очередной смуты в России.

Что же это были за силы? Здесь большинство историков вполне единодушны: всякая нестабильность внутри Российской империи была на руку так называемым Барским конфедератам (из числа шляхты), выступивших в свое время против политики Екатерины II в отношении Польши, а затем, после своего разгрома, эмигрировавших в страны Европы. Именно они спали и видели Польшу свободной и ее спасение связывали только с одним – с отстранением от власти Екатерины II, которая, по их мнению, породила все польские беды. Ведь это она сначала посадила на польский престол своего любовника Станислава Понятовского, а потом и вовсе поделила Польшу. (Справедливости ради укажем, что конфедераты были не совсем правы, ибо совершенно бешеная инициатива в вопросе о первом разделе Польши исходила от прусского короля Фридриха II, горевшего желанием расширить свои границы за счет ее земель.) Шляхтичи не отказались бы и от физического уничтожения ненавистной русской императрицы, но поскольку осуществить это было чрезвычайно трудно, почти невозможно, главным избрали вариант с самозванкой.

Имелись ли у них шансы на успех? Имелись – и довольно неплохие. Во-первых, конфедераты как нельзя лучше выбрали время для своих происков – в августе 1773 г. разразился пугачевский бунт, буквально потрясший империю, а во-вторых, у Екатерины, кроме преданных помощников, имелась и сильнейшая оппозиция, которая только и ждала подходящего момента, чтобы свергнуть ее с престола. Так что, окажись самозванка на российской территории да имей к тому же военную поддержку, неизвестно, чем бы закончилась столь грандиозная интрига. Кстати, соискательница престола очень хорошо понимала необходимость опоры на нечто реальное, но прежде чем рассказать о ее попытках в этом направлении, вернемся ненадолго к Пугачеву, что очень важно для нашего повествования.

До недавнего времени считалось, что Пугачев – это стихийный народный вожак, призвавший под свои знамена всех обездоленных и угнетенных, и наивно, в меру своего понимания действительности, принявший имя «доброе» царя Петра III (тот, несмотря на свое недолгое царствование, пользовался народным признанием, поскольку одним из своих указов отобрал немалые земельные владения у церкви, чем и вызвал к себе симпатию масс). Однако исторические розыскания последних лет дают совершенно иную картину. Имеются неопровержимые доказательства, превращающие Пугачева из народного героя в национального изменника, ибо, как выясняется, он был ставленником не революционно настроенных казаков, а выдвигателем мирового масонства, пешкой в руках тех сил, которые издавна стремились к дестабилизации, расчленению, а в идеале – к уничтожению России. Думается, недалек тот день, когда в этом вопросе будут поставлены последние точки.

И еще одно замечание. Пугачевское движение по размаху вполне сравнимо с восстанием Степана Разина. Но вот поразительное отличие: о Стеньке народ сложил немало песен, которые поются и по сей день, о Пугачеве же – ни одной! В чем же дело? Не в том ли, что камертон народной души давно уловил фальшь в звучании чужеземных пугачевских струн?

Итак, в конце 1773 г. наша героиня стала выступать уже как принцесса Елизавета. Тогда же произошло событие, которое рано или поздно должно было произойти, – она встретила с Каролом Радзивиллом. О чем они беседовали на сей раз – неизвестно, зато в переписке, которая началась между ними после свидания, говорилось о многом. Например, планировалось поднять в поддержку Пугачеву восстание в Польше и в белорусских землях, а также посетить Стамбул и попросить у турецкого султана помощи против России (Османская и Российская империи находились в то время в состоянии войны). В этом Радзивилла и само-

званку поддержал французский король Людовик XV, всячески стремившийся не допустить усиления России в Европе.

Поскольку в Польше и в Белоруссии дела с восстанием затягивались, решили сначала отправиться в Стамбул. Путь к нему лежал через Венецию, куда первым прибыл Радзивилл – в январе 1774 г. Самозванка, под именем графини Пинненберг, объявилась там в последних числах мая и остановилась в доме французского посольства. Но ненадолго – уже 16 июня, зафрахтовав корабль, Радзивилл с сообщницей отплыли в Стамбул. Однако противные ветры сбили судно с курса, и оно оказалось на рейде острова Корфу. Здесь наняли другое судно, но и вторая попытка добраться до турецкой столицы не увенчалась успехом. Достигли только Рагузы (ныне хорватский город Дубровник). Ее власти не питали симпатий к Екатерине II, а потому самозванка и Радзивилл были приняты радушно.

В Рагузе принцесса Елизавета развила кипучую деятельность. Она написала письма сразу в три адреса – турецкому султану Абдул-Гамид I, морякам русской эскадры, стоявшей в Ливорно, и графу Орлову. У султана она ищет покровительства, а моряков русской эскадры и графа Орлова призывает перейти на ее сторону, обещая за это награды и должности. В ожидании ответов самозванка ежедневно устраивала приемы в доме французского посольства, рассказывая всем про свою жизнь и убеждая гостей в том, что она – наследница русского престола, что в России ее поддерживает сильная партия и что Пугачев, победоносно воюющий против войск Екатерины II, – это ее родной брат, князь Разумовский.

Такие разговоры велись изо дня в день – до тех пор, пока не стало известно, что между Россией и Турцией подписан мир, а Пугачев разбит и захвачен генералами Екатерины. Самозванка объявила эти сообщения ложными, но скоро газеты подтвердили их правдивость. Вдобавок натянулись отношения с Радзивиллом. Она не знала, что князь с некоторых пор затеял двойную игру, что ее письма турецкому султану перехватывались агентами Радзивилла, поскольку тот, чуя неблагоприятную развязку интриги, не хотел усугублять свое и без того сложное положение и мечтал нарушить альянс.

И – как заключительный аккорд – начались нелады со здоровьем. Первые признаки чахотки появились у самозванки еще в Венеции, теперь же, когда вся обстановка не способствовала душевному спокойствию, ее самочувствие резко ухудшилось. Но она изо всех сил держалась и лихорадочно искала выход из положения (ведь ко всему прочему, кончились и деньги). И, наконец, как ей показалось, нашла – ее взор обратился к Ватикану.

Собравшись с силами и средствами, самозванка переплывает Адриатику, высаживается в Неаполе, а оттуда едет в Рим – с паспортом, который выхлопотал для нее английский посланник в Неаполе небезызвестный сэр Гамильтон. Она просила у него и 7000 цехинов, но не получила их. Деньги появляются лишь в Вечном городе, взятые взаимобразно (а на самом деле, как всегда, без отдачи) у очередного поклонника, что позволило ей устроиться в фешенебельном отеле на Марсовом поле и оттуда начать поиск путей для связи с папской курией.

Это оказалось весьма трудным делом: по случаю смерти папы Климента XIV, последовавшей еще в сентябре, кардинальский конклав, по обычаю, сидел взаперти, обсуждая кандидатуры на освободившийся трон святого Петра. Однако самозванке удалось связаться с кардиналом Альбани и попросить у него помощи в деле достижения русского престола. Взамен же обещала не только сама принять католичество, но и переменить веру во всей России. (Прием отнюдь не нов: в начале XVII в., готовясь, как и Тараканова, занять русский престол, Лжедмитрий I то же самое обещал польскому королю Сигизмунду III и папскому нунцию Рангони.)

Таким образом, складывался новый альянс, и кардинал Альбани, имевший большие шансы стать новым папой, делал в своей стратегической игре ставку и на самозванку, но в это время обстоятельства круто переменялись.

В дело вмешалась Екатерина II.

«Царская охота»

Русская императрица, сама воссевшая на престол с помощью переворота, прекрасно знала его механику, а потому пристально следила за самозванкой, едва та появилась в поле ее зрения. Но сразу обезопасить себя от претендентки она не могла – все силы были брошены на подавление пугачевского бунта. Теперь он был ликвидирован, а Пугачев казнен, но еще до этого граф Орлов переправил Екатерине II послание самозванки, которое она написала ему из Рагузы. В ответ императрица приказала: «Сей твари, столь дерзко всклепавшей на себя имя и породу, употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомбы в город Рагузу метать можно, а буде без шума достать ее способ есть, то я и на сие соглашаюсь...»

Как видим, Орлов получил карт-Бланш и мог действовать без опаски, если бы не одно обстоятельство: никто на русской эскадре не знал, где находится самозванка. Она так быстро меняла города своего пребывания, что за ней не успевали следить. Но если раньше Орлов относился к этому достаточно спокойно, то теперь, получив приказ императрицы, он взялся за дело со всей серьезностью. Во все концы были посланы разведчики, и среди них такие, как испанец де Рибас, будущий градоначальник Одессы, и серб Войнович, будущий русский контр-адмирал.

После трех месяцев усиленных розысков де Рибас обнаружил самозванку в Риме. Обнаружил – и тотчас пошел на приступ, благо для того у него имелись деньги, выданные графом Орловым, и легенда, выдуманная сообщца.

Согласно ей, де Рибас должен был убедить самозванку, что ее письмо, отправленное графу Орлову, возымело то действие, на которое она и рассчитывала. И граф готов оказать помощь принцессе Елизавете, поскольку его положение у трона Екатерины сильно пошатнулось, и он не ждет в дальнейшем от нее ничего, кроме опалы.

Надо сказать, что эта часть легенды опиралась на действительные слухи, ходившие тогда в Петербурге. Падения братьев Орловых желали многие, и один из них, Григорий, уже был отставлен из фаворитов (его место занял кавалергард Васильчиков), что, по мнению недругов Орловых, должно было настроить братьев против императрицы. Но злопыхатели просчитались. Орловы продолжали верно служить трону, Екатерина об этом знала, а потому и поручила Алексею такое ответственное дело, как устранение самозванки.

Де Рибас свиделся с принцессой Елизаветой; его красноречие и 2000 червонцев, переданные от имени графа Орлова, достигли желаемого – она поверила в то, что русская эскадра готова подчиниться ей. Оставалось лишь одно – встретиться с командующим, чтобы выработать план дальнейших действий.

15 февраля 1775 г. самозванка под именем графини Зелинской прибыла в Пизу, где в то время находилась главная штабквартира Орлова. Тот принял ее со всеми почестями, выделил в ее распоряжение роскошный дворец и целый штат прислуги. Это, конечно, сильно подействовало, но окончательно сразил принцессу Елизавету сам граф, сделавший вид, что безумно влюблен в нее, и, в конце концов, предложивший ей руку и сердце. Свою роль Орлов играл столь искусно, что женщина, на счету которой было бесчисленное множество любовных побед, не смогла раскусить тайные замыслы опытного сердцеда и полностью вверилась его воле.

Полдела было сделано, и теперь требовалось захватить самозванку, но в Пизе осуществить это было довольно трудно.

Во-первых, весь город каким-то образом прознал, что среди его гостей находится наследница русского престола, и ее арест повлек бы за собой непредсказуемые действия; во-вторых, с нее не спускали глаз представители Ватикана, а пуще всего – иезуиты. Решись Орлов на арест самозванки в Пизе, те и другие, несомненно, приняли бы ответные меры.

И хотя в его кармане лежало приказание Екатерины II захватить «всклепавшую имя» каким угодно способом, Орлов не хотел раздувать международный скандал. Он придумал нечто иное.

В один из дней граф получил письмо из Ливорно от тамошнего английского консула сэра Джона Дика. Тот извещал, что в Ливорно произошли стычки между командами русских и английских кораблей, и графу следует прибыть на эскадру, чтобы разобраться в случившемся. Письмо это было фикцией, о нём Орлов предварительно договорился с Диком, но самозванка приняла все за чистую монету, и когда жених объявил ей, что ему нужно немедленно отправиться в Ливорно и навести там порядок, она без колебаний вызвалась его сопровождать. Только этого ему и хотелось, и 19 февраля он и принцесса с тремя слугами отбыли в Ливорно. Таким образом, самозванка совершенно добровольно вошла в расставленную для нее ловушку, и оставалось лишь захлопнуть дверцу. О том, как это было сделано, читатель уже знает.

Следствие и смерть

Хотя самозванка была захвачена, русская эскадра еще четыре дня простояла в Ливорно – разбирали изъятые у нее бумаги и грузили на корабли имущество Орлова-Чесменского, коего за семь лет пребывания графа в Средиземном море накопилось предостаточно.

Здесь были и картины, и статуи, и драгоценная мебель, так что погрузка окончилась лишь в ночь на 26 февраля, после чего эскадра вышла в море – пять линейных кораблей и фрегат.

В середине марта миновали Гибралтар, а еще через две недели на горизонте показались туманные берега Англии. В Лондоне пополнили запасы продовольствия и воды и намеревались некоторое время отдохнуть, но слухи о пленнице, содержащейся на «Исидоре», дошли до лондонских жителей, и те толпами повалили на набережную и буквально осадили корабль Грейга в надежде хоть одним глазом взглянуть на русскую принцессу. Это заставило адмирала Разумовский спешно покинуть английскую столицу, и 22 мая эскадра пришла в Кронштадт.

Следуя инструкции, полученной от Орлова и предписывающей передать самозванку лишь по именному повелению императрицы, Грейг стал дожидаться порученцев Екатерины II. Наконец рескрипт был получен:

«Господин контрадмирал Грейг, с благополучным вашим прибытием в наши порты, о чем я сего числа уведомила, поздравляю, и весьма вестию сею обрадовалась. Что же касается до известной женщины и до ее свиты, то об них повеления от меня посланы г-ну фельдмаршалу князю Голицыну в С.-Петербург и он сих вояжиров у вас с рук снимет. Впрочем, будьте уверены, что службы ваши во всегдашней моей памяти и не оставлю вам дать знаки моего к вам доброжелательства.

Екатерина.

Мая 16 числа 1775 г.

Из села Коломенского, в семи верстах от Москвы».

Здесь необходимо внести точность в даты.

Как мы сказали, эскадра Грейга прибыла в Кронштадт 22 мая; письмо же написано за неделю до этого. Никакой мистики в сем факте нет, и императрица подтверждает это своей фразой: «о чем я сего числа уведомила». Да, пока эскадра огибала Европу, к Екатерине по сушу был отправлен специальный гонец, который и доставил весть о захвате самозванки.

Получив рескрипт, Грейг тайно, ночью, переправил принцессу в Петропавловскую крепость, где и передал ее петербургскому генерал-губернатору Голицыну, точнее – его представителю, капитану гвардии Александру Толстому. Но и Толстой был всего лишь посредником в цепи передач самозванки от одного должностного лица к другому. Постоянным же

ее надзирателем стал комендант крепости Андрей Чернышев. Именно он затворил за пленницей двери мрачного Алексеевского рavelина, из которого она уже не вышла...

26 мая состоялся первый допрос самозванки. По указанию Екатерины, Голицын требовал от узницы ответить на два вопроса: кто она такая на самом деле и по чьему наущению назвалась дочерью императрицы Елизаветы? За первым допросом последовали другие, но, несмотря на все старания и угрозы, предпринятые Голицыным, самозванка так ни в чем и не призналась и никого не выдала. Она заявила, что сама никогда не называла себя дочерью императрицы Елизаветы, что так ее называли другие, а она лишь пользовалась этим именем (Елизаветы), не видя в том ничего дурного.

Пришлось с этим согласиться и составить родословную самозванки и маршрут ее передвижений по миру, сообразуясь с теми показаниями, которых удалось от нее добиться. Картина вырисовывалась следующая. Ее зовут Елизаветой, ей двадцать три года, она не знает, где родилась и кто были ее родители. Выросла в городе Киле, а когда исполнилось девять лет, ее увезли через Россию в Персию. Оттуда она попала в Багдад, где жила в доме богатого человека по имени Гамет. В этом же доме познакомилась с князем Гали, обладателем несметных сокровищ (вариант: Гали – дядя самозванки).

Князь увёз ее в Исфаган и там объявил ей, что она – дочь императрицы Елизаветы. В Исфагане она прожила до 1768 г., а затем вместе с Гали отправилась в Европу. Туда они попали через Ригу и Кенигсберг. Потом она некоторое время жила Берлине, полгода в Лондоне, а затем, в 1772 г., переехала в Париж.

В правдивость этого рассказа многие историки не верят до сих пор; не верила ему и Екатерина II, писавшая 7 июня князю Голицыну:

«Передайте пленнице, что она может облегчить свою участь одною лишь безусловной откровенностью и также совершенным отказом от разыгрываемой ею доселе безумной комедии... Примите в отношении к ней надлежащие строгости, чтобы наконец ее образумить...»

Меры были приняты, и результатом их стало письмо самозванки к Екатерине II, в котором она просила аудиенции. Но вот беда: просительница подписала письмо именем Елизаветы, что привело Екатерину в ярость. Она отказала самозванке во всех ее просьбах, строгости по отношению к ней продолжались, и это дало самые печальные последствия – чахотка, коей страдала узница, в условиях крепости обострилась до предела, так что Голицын, опасаясь за ее здоровье, на свой страх и риск смягчил режим содержания. Положение осложнялось еще и тем, что самозванка оказалась беременной. Кто отец будущего ребёнка, о том догадывались все – Орлов. В конце ноября самозванка родила мальчика, который был тотчас у нее отобран.

Согласно одной версии, этот мальчик получил имя Александра и под фамилией Чесменский служил впоследствии в конной гвардии. Согласно другой – рождение у самозванки сына есть ни что иное, как очередная легенда.

Роды окончательно подорвали здоровье заключенной, и 4 декабря 1775 г. она скончалась и была погребена в стенах своей тюрьмы, то есть в Алексеевском рavelине. Сохранились известия, что в 1826 г. декабристы, сидевшие в той же камере, где за полвека до них содержалась княжна Тараканова, нашли на стекле надпись, сделанную каким-то острым предметом: «O dio!». Предполагают, что ее оставила узница в минуту душевного отчаяния.

Об императрице Елизавете

Личная жизнь двух российских императриц, Елизаветы и Екатерины II, окутана покрывалом всевозможных измышлений и слухов.

Известны их фавориты, но были ли замужем они – этот вопрос муссируется до сих пор. Хотя, казалось бы, есть неопровержимые свидетельства замужества как той, так и дру-

гой. Нас интересует Елизавета, и мы расскажем о том, какие версии на этот счет имеются в нынешнее время.

Первыми о замужестве Елизаветы заговорили иностранные писатели (Манштейн, де Кастера, Гельбиг); отечественным же пионером здесь был Бантыш-Каменский, который в своем «Словаре достопамятных людей русской земли» (1836) упомянул о браке императрицы Елизаветы с Алексеем Разумовским. Более подробно об этом поведал почти тридцать лет спустя граф С. С. Уваров, так что у исследователей имеется достаточно оснований для того, чтобы с большой долей вероятия утверждать: да, императрица Елизавета была замужем (пусть даже тайно) за Разумовским; да, у них были дети.

Алексей Григорьевич Разумовский (до женитьбы на Елизавете – Розум) происходил из простых казаков Черниговской губернии. В селе Лемеша, где он жил, Алексей пел в церковном хоре. Там его увидел чиновник императрицы Анны Ивановны, искавший в провинции певчих для придворной капеллы, и привёз юного казака в Москву. Парень был хоть куда – красавец, богатырского роста, поэтому немудрено, что как только его увидела цесаревна Елизавета, она вспылала к нему любовными чувствами и перевела певчего в свой штат. А когда стала императрицей, милости посыпались на Разумовского, как из рога изобилия. Он получил орден Андрея Первозванного, стал графом и, наконец, – генерал-фельдмаршалом, хотя за всю жизнь не участвовал ни в одном сражении.

Брак его с Елизаветой, как полагают, относится к июню 1744 г. Некоторые исследователи указывают даже точный день – 15 июня, когда Разумовский и Елизавета обвенчались в Москве, в церкви Воскресения, что в Барашах.

О том, сколько было детей у Елизаветы и Разумовского, мнения ученых расходятся. Некоторые считают, что трое, большинство же – что двое, сын и дочь. Само собой разумеется, что они, как потенциальные наследники престола, не могли оставаться в пространстве русской светской жизни, а потому были посвящены в духовные звания. Сын – в одном из монастырей Переславля-Залесского, дочь – в московском Ивановском монастыре, где и умерла в феврале 1810 г. в возрасте 64 лет. Таким образом, дочь Елизаветы (ее звали Августой, а в монашестве она приняла имя Досифеи), как полагает большинство исследователей, не была той женщиной, что содержалась и умерла в Алексеевском равелине.

Казалось бы, все просто и понятно, но это лишь на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении вопроса выясняется столько необъяснимых деталей, что общепринятые версии начинают серьезно колебаться. И когда читаешь материалы, посвященные княжне Таракановой, невольно начинаешь спрашивать себя: если узницу Алексеевского равелина считали самозванкой, то почему Екатерина II во все время расследования этого дела так тревожилась и переживала, будто со дня на день ждала каких-то чрезвычайных событий? И почему российские императоры, начиная с Павла I и кончая Александром II, проявляли самое пристальное внимание к делу самозванки и даже пытались фальсифицировать его? (Во всяком случае, как показали позднейшие розыски, из дела бесследно исчезли многие важные документы, и оно оказалось, таким образом, сильно подчищено.) Не потому ли, в конце концов, и возник сакраментальный вопрос:

А если не самозванка?

И тут мы вступаем в такие хитросплетения русской политической истории, в какие не всякий поверит. И тем не менее они, эти хитросплетения, подтверждаются многими действительными фактами, от которых вся история с самозванкой оборачивается противоположной стороной.

Главное здесь – наличие целого ряда свидетельств того, что княжна Тараканова была и вправду дочерью Елизаветы, но только не от Разумовского, а от графа Ивана Ивановича Шувалова. Последнего можно без всякой натяжки назвать личностью замечательной – основатель и первый куратор Московского университета, первый президент Академии художеств, друг и покровитель Ломоносова! Разве мало? Оказывается, мало, ибо Шувалов был, ко всему прочему, фаворитом Елизаветы, а самое главное – сыном императрицы Анны Ивановны!

Отсюда и начинаются все треволнения российских монархов: ведь если Шувалов действительно был царским отпрыском (а в архивах имеется так называемое «дело барона Аша», подтверждающее сей факт) и если княжна Тараканова действительно являлась его дочерью, то вопрос о престолонаследии складывался для Романовых просто катастрофически. Выходило, что княжна на ветвях генеалогического древа русской царствующей династии стояла выше Павла, который должен был наследовать Екатерине II. Не потому ли и тревожилась Екатерина во время следствия, что боялась выступления оппозиции, которая, пользуясь правом первородства узницы Алексеевского рavelина, могла предпринять меры к устранению от трона не только наследника, но и самой Екатерины? Не потому ли она так стремилась услышать от самозванки признание в ее истинном происхождении? И не потому ли впоследствии русские самодержцы, зная, что занимают трон, по сути, незаконно, так ревниво оберегали от посторонних архив с делом княжны Таракановой и так старательно подчищали его?

К сожалению, за нехваткой места мы можем лишь продекларировать эти предположения, требующие для своего обоснования тщательного разбора многих имеющихся в наличии документов. Вообще же, стоит сказать, что Романовы, три столетия занимавшие российский престол, в своих корыстных целях основательно фальсифицировали нашу историю.

И думается, истоки этой фальсификации следует искать в смутном XVII в., во времена Лжедмитрия I. До сих пор неизвестно, кто же почти год занимал московский стол, прикрываясь именем сына Ивана Грозного. В XIX в. историк С. Д. Шереметев объявил о находке документов, позволяющих, наконец-то, раскрыть истинное лицо Лжедмитрия I. И что же?

Едва его заявление стало известно в широких кругах, как последовало высочайшее повеление задержать появление книги. Она так и не была издана, и мы до сих пор не знаем, что же хотел сообщить нам ученый.

Нечто подобное случилось и ранее, когда Н. М. Карамзин вознамерился в своей «Истории» реабилитировать Бориса Годунова, считавшегося организатором смерти царевича Дмитрия в Угличе. К тому времени исторической наукой были накоплены документальные факты, которые позволяли снять несправедливое обвинение. И что же? Император Александр I, узнав о намерении почетного академика, «посоветовал» ему оставить все как есть.

О чем говорят все эти якобы случайные или не случайные запреты? На мой взгляд, только об одном – о самом близком, если не главном, участии Романовых как в акции с царевичем Дмитрием, так и в появлении Лжедмитрия I. Романовы знали, кто есть кто! Им было что скрывать, и они скрывали исторические реалии, сделав дело сокрытия наследственным делом.

В свете сказанного совсем по-другому выглядит и версия княжны Таракановой, долгое время считавшаяся единственно правильной в нашей исторической литературе. Сегодня есть все основания подойти к ней критически.

Начнём с того, что историков всегда удивляла фамилия «Тараканова» – откуда она появилась, если среди ближайшего окружения императрицы Елизаветы не было человека, который носил бы ее? Но, оказывается, он был и, более того, пользовался расположением самого Разумовского. Человек этот звался Алексеем Ивановичем Таракановым, имел звание генерал-майора и в 1750-Х гг. командовал крупным войсковым соединением в персидском походе. С чем может ассоциироваться этот факт? Да с тем, что самозванка в своих рассказах не раз упоминала, что в Персии она была с дядей. Но кто такой этот дядя? Уж не Алексей ли Иванович, который, как полагает часть исследователей, стал официальным отцом дочери Елизаветы, поскольку императрица не могла по государственным соображениям признать ее своей?

Как видим, в «фантастической» версии жизни Таракановой, рассказанной ею самой, появляются кое-какие просветы. Дальше – больше. Помните, самозванка говорила, что некоторое время жила в Киле? А Киль – это Голштиния, наследственная вотчина Петра III, племянника Елизаветы. Туда, как полагают, и отправили дочь императрицы после ее смерти, чтобы девочка не стала разменной картой в борьбе, развернувшейся вокруг трона. Но вот на престол восходит Екатерина II. Ее муж, император Петр III, убит братьями Орловыми в Ропше, и Голштиния, таким образом, переходит в наследство Екатерине. Однако в 1767 г. она отказывается от права на нее в пользу Дании. Дочери Елизаветы приходится покинуть Киль и пуститься в странствование по Европе.

И это тоже похоже на правду – ведь именно в 1767 г., если верить де Кастере, в замке Кароля Радзивилла объявляется девушка, которую называют наследницей русского престола.

Еще один немаловажный факт: в переписке, которую вела самозванка, есть упоминание о ее русском опекуне, который жил в Спа. Но там жил не кто иной, как граф И. И. Шувалов! Совпадение? Однако позже, разбирая бумаги самозванки, граф Орлов обнаружил немало посланий, написанных, по его уверению, рукой Шувалова. Да и маршруты переездов последнего по Европе подозрительно совпадают с маршрутами самозванки.

Такова вкратце история «великой княжны Елизаветы». Пока это словосочетание берут в кавычки, но как знать, не придется ли в недалеком будущем снять их. Много располагает к тому, и в частности, то, что Екатерина II, не дождавшись от своей узницы признания в самозванстве, в дальнейшем запретила какие-либо дознания, могущие пролить свет на ее тайну. Создается впечатление: императрица хотела только одного – поскорее забыть обо всем.

В том, что княжна была не самозванка, убежден автор ее жизнеописания – французский историк Шарль де Ларивьер; из отечественных исследователей это мнение в той или иной степени разделяет Нина Молева, писавшая о Таракановой еще в 80-Х гг.

Император Александр I и старец Федор Кузьмич

В полдень 4 сентября 1836 года к одной из деревенских кузнец в Красноуфимском уезде Пермской губернии подъехал верховой и попросил подковать его лошадь. Кузнец, по роду занятий неплохо разбиравшийся в лошадях, с одного взгляда определил, что конь под незнакомцем не просто хороший, а чистых кровей, и стоит больших денег. Такой конь мог принадлежать лишь какому-нибудь сиятельному лицу, тогда как его действительный хозяин, хотя и обладал представительной внешностью, но был одет бедно, по-крестьянски.

Пока кузнец прилаживал подкову, к кузне подошли ещё несколько деревенских и заинтересовались лошастью. А затем и её обладателем- крестьян очень удивил тот факт, что у бедного, судя по всему, человека такой прекрасный скакун. Стали спрашивать приезжего о том, о чём, тот отвечал как-то уклончиво, чем и возбудил подозрения. Словом, незнакомца задержали и препроводили в полицию.

В Красноуфимском земском суде задержанный назвался Федором Кузьмичом, сказал, что ему 70 лет, что он неграмотен, православный, но происхождения своего не помнит. Допросили еще раз и одновременно составили описание примет Федора Кузьмича, из коих следовало, что старец имел «рост- 2 аршина 6 1/2 вершков, волосы на голове и бороде – светло-русые с проседью, нос и рот посредственные, подбородок кругловатый, от роду имеет не более 65 лет, на спине есть знаки наказания кнутом или плетью».

Поскольку, по существу, Федор Кузьмич оказался бродягой без роду и племени (за бродяжничество в то время в России судили), Красноуфимский уездный суд приговорил его к наказанию плетью и последующей ссылке в Сибирь на поселение. 12 октября Федор Кузьмич получил положенные ему двадцать ударов, а на другой день был этапирован в деревню Зерцалы Томской губернии, где ему отныне надлежало жить.

Но почему же этот человек, которого все вскоре стали называть «старцем», отождествлялся тогда и отождествляется многими ныне с личностью императора Александра I? Легенду об этом автор во всех подробностях разберет ниже, а пока лишь перечислит «доказательства», которые приводят в пользу «перевоплощения» императора сторонники этой версии:

1. Александр I был неузнаваем в гробу.
2. Наличие двух записок старца Федора Кузьмича, расшифровка которых якобы подтверждает его принадлежность к русской императорской фамилии.
3. Слухи о посещении могилы старца великими князьями Александром Николаевичем (будущим императором Александром II) и Николаем Александровичем (будущим императором Николаем II).
4. Слухи о том, что в кабинете императора Александра III якобы висел портрет Федора Кузьмича.
5. Факт вскрытия могилы Александра I в 80-х годах XIX столетия и в 1921 году, причем было обнаружено, что могила пуста.
6. Портретное сходство императора и старца.
7. Записка Н. Н. Врангеля, озаглавленная «Правда о Федоре Кузьмиче».
8. Версия о бегстве Александра I из Таганрога на английском судне.

Об этих «доказательствах» будет также сказано, однако прежде необходимо проследить за тем, как возникла и развивалась во времени легенда об императоре Александре I и старце Федоре Кузьмиче. А для этого придется начать издалека.

О жизни Александра I, его государственной деятельности и о его человеческих свойствах написана не одна сотня книг. Их авторы, признавая за Александром большой ум, любознательность, доброту, личное обаяние в то же время говорили о слабой воле императора, о

его скрытности и двоедушии, упрямстве и тщеславии, о его способности быстро загораться и столь же быстро остывать.

Таким образом, перед нами предстает фигура весьма противоречивая, способная на непредсказуемые поступки и принятие неожиданных решений, и в то же время постоянно колеблющаяся, как плохо уравновешенные весы. Этой двойственности должно быть объяснение, и оно, по мнению большинства исследователей, есть и заключается в тех условиях жизни и воспитания Александра, которые сопутствовали ему в детстве и в ранней юности, когда он одновременно находился под сильным влиянием своей бабки Екатерины II и отца Павла Петровича, ставшего впоследствии русским императором.

Как всем известно, законным мужем Екатерины (вначале великой княгини, а затем всероссийской императрицы) был внук Петра I великий князь Петр Федорович (впоследствии русский император Петр III). Известно и то, что их супружеская жизнь не заладилась с самого начала и что в этом виноваты оба супруга. И Петр, и Екатерина не любили друг друга, а потому супружеская измена была у них в семье в порядке вещей. Петр содержал любовницу открыто, Екатерина же хоть и старалась соблюдать какие-то правила приличия, но это ей плохо удавалось, и все при дворе были уверены, что сын Екатерины Павел родился вовсе не от Петра, а от одного из любовников великой княгини графа Салтыкова.

Совершив в июле 1762 года государственный переворот и став императрицей, Екатерина всеми силами старалась не приближать к трону нелюбимого Павла, держа его в отдалении, в Гатчине, и по-прежнему занимаясь любовными играми.

Павел платил матери той же монетой – не любовью, которую даже не скрывал. И жил лишь ожиданием, когда Екатерина либо состарится, либо умрет, чтобы самому сделаться императором. Конечно, Екатерина все это понимала, и ее выводила из себя мысль, что рано или поздно на российский престол вступит так нелюбимый ею Павел; поэтому когда у Павла родился первенец, названный в честь Александра Невского Александром, императрица тотчас отобрала внука у родителей и принялась за его воспитание – ей показалось, что со временем можно будет обойти в вопросе престолонаследия сына и сделать русским царем Александра.

Именно с этого момента и началась ожесточенная борьба между Екатериной и Павлом за душу Александра. Как и всякая борьба подобного рода, она не могла положительно повлиять на характер того, кто стал ее объектом. Раздираемый внутренними противоречиями, любивший и отца, и бабу, Александр, оказавшись как бы между молотом и наковальней, был вынужден потрафлять вкусам и требованиям обеих враждующих сторон. С тех пор, как считают историки, в его душе и появились признаки двоедушия, которые затем упрочились и стали едва ли не главной чертой Александровой натуры.

Очень хорошо об этом сказал Наполеон, неоднократно встречавшийся с русским императором и понявший его человеческую суть: «Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; он неискренен: это истинный византиец – тонкий, притворный, хитрый».

Но чье же влияние – Екатерины или Павла – оказало большее воздействие на формирование характера Александра? Об этом спорят до сих пор, хотя пальму первенства нужно, конечно же отдать императрице.

Наша официальная история наделила Екатерину II всеми добродетелями, назвала ее «Великой» и тем самым как бы выдала ей надежную индульгенцию в деле искупления всех ее прегрешений. Но в материале о «Княжне Таракановой» я уже говорил о чудовищной мифологизации нашей истории; результатом этого, в частности, является искажение истинного облика Екатерины II в сторону безудержного восхваления ее достоинств и добродетелей. В действительности же он никоим образом не соответствует тем лаковым парсунам, по которым складывалось общественное мнение о «северной Семирамиде», как называли русскую императрицу льстецы всех мастей и оттенков.

Здесь нет нужды говорить о государственной политике Екатерины. Проживи императрица дольше, ее политика привела бы Россию к полному банкротству – это отдельная тема, мало согласующаяся с замыслом данного очерка; что же касается человеческих качеств Екатерины, то многие ее современники ставили на первое место как раз ее выдающееся лицемерие.

И вот внук Александр, названный за свою неискренность византийцем. Как говорится, природа отдыхает на детях (сын Екатерины Павел отличался как раз спартанским прямодушием), зато щедро передает внукам гены бабок и дедов.

Да, можно с полным правом заявить, что Александр пошел характером в бабку, был ее баловнем и относился к ней с искренней любовью, но столь же искренне он любил поначалу отца. Беда Павла, приведшая в конце концов к тому, что Александр сделался его врагом, заключалась в суровости и деспотичности, с которыми Павел относился к сыну.

И дело здесь вовсе не в психопатстве Павла, в чем его изначально обвиняло большинство историков, и что совершенно не соответствует действительности, и в желании вырастить из сына достойного человека и правителя – честного и благородного. Каким, кстати, был сам Павел, о чем, к сожалению, умалчивается и до сих пор. Павел рисуется только деспотом, без попыток объяснить причины этого самого «деспотизма».

Однако в случае с Александром вина Павла очевидна. В своем стремлении воспитать из сына рыцаря он, что называется, перегнул палку. Тонкий и чувствительный Александр не был создан для восприятия тех методов воспитания, к каким прибег отец. Окрики и постоянная суровость, переходящая иногда в насмешку над слабостями Александра, не могли достичь результатов, поскольку наследник был создан для умного разговора и деликатного обращения. Воспитательная метода Павла вполне бы подошла к третьему сыну императора, Николаю, который впоследствии будет править Россией; в применении же к Александру она привела к противоположным результатам – подавляемый отцом, Александр все больше и больше отдалялся от него, а затем просто возненавидел. Что и определило его участие в заговоре против Павла I – 11 марта 1801 года.

Но пока что на дворе лишь конец 1796-го. Недавно умерла Екатерина II, многие годы лелеявшая мысль передать престол внуку в обход родного сына. Эту идею императрица высказывала впервые ещё в 1787 году, то есть в то время, когда Александру было всего 10 лет. Он, кстати, был посвящен бабкой в этот план, но сам же и расстроил его, рассказав о замысле Екатерины отцу и поклявшись ему в том, что никогда не выступит против него.

Но вот Екатерина умерла и на престол вступил Павел. Вопреки распространенному мнению, он не был психически ненормальным человеком, доведшим Россию за четыре года правления чуть ли не до катастрофы. Все обстояло как раз наоборот, и Павлу пришлось расхлебывать результаты деятельности своей матери, Екатерины «Великой». А что касается его как человека, то он был умным, честным и благородным (правда чересчур эмоциональным), а потому не вписывался в систему координат тогдашней российской деятельности. Недоброжелатели называли Павла гатчинским капралом (двор Павла находился в Гатчине), а он был хорошо воспитанным и образованным человеком, проявившим большую склонность к занятиям математикой и к инженерным наукам и знавшим три языка – немецкий, французский и латынь.

Объективную оценку дал Павлу I в своих «Записках» генерал-майор Конной гвардии Николай Саблуков. «Это был человек в душе вполне доброжелательный, – писал конногвардеец, – великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество. К несчастью, все эти похвальные добрые качества оставались совершенно бесполезными, благодаря его несдержанности и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения».

Другими словами, суровые меры, принятые Павлом для наведения в стране порядка, встретили жесточайшее сопротивление дворянской оппозиции. Но разве нужны были эти суровые меры, это требование беспрекословного повиновения, о котором говорит Саблуков? Ведь Павел стал царствовать после «золотого» века Екатерины, когда по уверению нашей официальной историографии, Россия достигла пика своего могущества и когда, казалось бы, не пристало говорить ни о каких суровых мерах в деле наведения порядка в стране. Это – очередной миф нашей истории. Да, территориальные приобретения при Екатерине поражали воображение (именно тогда к России был присоединен Крым и основан Севастополь), но какой ценой были оплачены эти приобретения? Ценой жизни бесчисленного числа русских солдат являвшихся до призыва на службу крепостными крестьянами, то есть основными работниками государства.

Рекрутские наборы, производимые по всей стране, собирали под знамена Румянцева, Суворова и Потемкина сотни тысяч людей, трупами которых устилали затем все поля победы. Но какое дело было русской императрице (русской, впрочем, лишь по стране проживания) до крепостных мужиков, которых именно она довела своими указами до рабского состояния? Ведь это при «великой» Екатерине крепостничество в России достигло своего апогея, когда крестьянам, например, было запрещено под страхом физических наказаний жаловаться на своих господ; когда их продавали наравне с тягловым скотом и секли за малейшую провинность. Ведь это при Екатерине помещица Дарья Салтыкова, вошедшая в историю под именем Салтычихи, замучила до смерти свыше 100 своих крепостных. Жалоба на нее дошла до императрицы лишь после десятого захода, когда отчаявшиеся мужики всеми правдами и неправдами прорвались к Екатерине. Им грозило битье кнутом на площади – не жалуйся! – или вырывание ноздрей, но они пренебрегли опасностью и донесли до государыни всю правду о своей жизни. Салтычиха была отдана под суд, и судьи, пораженные жестокостью помещицы, приговорили ее к смертной казни, хотя таковая в отношении дворян не применялась. Исправляя «ошибку» суда, Екатерина заменила смертную казнь заточением в монастырь, и Дарья Салтыкова остаток дней провела в одной из московских обителей.

Но это, как говорится, лирическое отступление; вернувшись же к основной теме стоит отметить один лишь факт и задать один лишь вопрос. Факт заключается в том, что Екатерина II царствовала 34 года, и все это время Россия находилась в состоянии войны, которая безостановочно пожирала свои жертвы – русских солдат, бывших крестьян, оторванных от хозяйства. А отсюда вытекает и вопрос: могло ли государство после стольких лет разорения находиться в состоянии благоденствия?

Каждый, кто находится в здравом смысле, ответит: конечно же, нет. И это будет той правдой, которую, оценивая царствование Екатерины, выскажет в суровых и нелицеприятных словах А. С. Пушкин: «Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Придя к власти, Павел I тотчас увидел катастрофичность положения. Россия находилась, образно говоря, у разбитого корыта. Хозяйство было разорено, в казне не оказалось денег (да и откуда они могли быть там, если только своим любовникам-стеснительные историки называют их благозвучным словом «фавориты» – Екатерина раздарила свыше 90 миллионов рублей и сотни тысяч крепостных душ – одним Орловым 50 тысяч), так что новому императору предстояло, по сути, спасти государство от банкротства.

И он попытался сделать это, по мере возможности наполняя расстроенную Екатериной казну и поведя энергичную борьбу против роскоши, расточительности, мздоимства и коррупции. И конечно же, встретил полное неприятие своих взглядов со стороны знати и чиновничества. Положение осложнялось еще и резким, вспылчивым нравом императора, что привело сначала к возрастанию неприязни к нему, а затем – и к заговору.

В том, что он существует, Павел нисколько не сомневался, более того, он верно «вычислил» главных заговорщиков, начиная от госсекретаря Никиты Панина и петербургского губернатора графа Палена и кончая своим старшим сыном Александром.

Оценивая роль последнего в заговоре 1801 года, многие историки умаляли ее, утверждая, что Александр вошел в число заговорщиков чуть ли не под принуждением. Но факты говорят о обратном. Известно, что противники Павла не единожды предлагали наследнику силой свергнуть императора с престола и занять его место. Как в этом случае должен был поступить человек, лояльный к Павлу? Вероятно, предупредить его об опасности. Это можно было сделать безболезненно для тех, кто предлагал Александру сместить отца, не называя их имен, а лишь дав понять Павлу, что против него существует оппозиция.

Александр этого не сделал. Он выслушивал предложения, наматывал, как говорится, на ус и молчал. Не есть ли это доказательство того, что в голове наследника уже бродили кое-какие мысли относительно престола? Конечно, верховная власть в России рано или поздно должна была перейти в руки Александра, но ведь мы хорошо знаем, что в таких случаях претенденты на трон желают получить его как можно раньше. Мало ли что может случиться, пока ты будешь терпеливо дожидаться урочного срока!

События ускорили свой бег, когда в начале 1801 года Павел I арестовал несколько десятков человек, подозреваемых в заговоре. Знал ли он в то время о том, что и Александр определенным образом связан с заговорщиками?

По-видимому, догадывался, поскольку имеется известие, что император как-то сказал своему обергофмейстеру графу Кутайсову, что Александру уготовано место в Шлиссельбургской крепости. Само собой понятно, что такие заявления не могли не дойти до наследника, который стал всерьез опасаться за свою безопасность. Время колебаний близилось к концу, надо было определяться, на чью сторону вставать, и Александр определился. О том, как это произошло, рассказывал после переворота его главный вдохновитель граф Петр Пален. Считается, что его рассказ сильно приукрашен, но никто не сомневается в достоверности самого факта, и это главное.

А случилось следующее. Получив от кого-то предупреждение о заговоре (принято думать, что это сделал генерал-прокурор П. Х. Оболянинов), Павел призвал к себе Палена и поделился с ним своими планами в отношении заговорщиков, сказав в частности, что к заговору причастен и Александр, которого, видимо, придется арестовать.

Пален, не знавший в подробностях, что же известно Павлу о заговоре и заговорщиках, подумал, что, наверное, известно все, и его ждет плаха. Но граф был на редкость хладнокровным человеком, а потому, не моргнув глазом, признался Павлу в том, что заговор действительно существует и что он, Пален, состоит в нем.

Павел I был поражен этим заявлением, но Пален тут же успокоил императора, сказав, что он состоит в заговоре лишь с одной целью – чтобы узнать все его нити и имена злоумышленников. И он уже на пути к этому, так что императору не стоит волноваться: не сегодня-завтра он получит все необходимые сведения.

Павел был по натуре благородным человеком, а потому легковерным. Слова Палена он принял за чистую монету, тогда как граф, понимая, что земля горит у него под ногами, прямо от Павла направился к цесаревичу и передал ему весь разговор с его отцом. Перспектива оказаться в крепости ужаснула Александра, но Пален сказал, что выход есть – нужно сместить императора, и тогда все останутся целы. Перед Александром встал выбор: либо, по

примеру императора Ивана Антоновича, оказаться заточенным до конца своих дней в крепость, либо согласиться на предложение графа. Поскольку о физическом устранении отца не было и речи, Александр выбрал второе.

Но дальнейшее предстало перед ним в страшном виде. Заговорщики, ворвавшись в ночь на 11 марта 1801 года в спальню Павла I, предъявили ему требование об отречении, однако император отказался подписать его, после чего и был убит. Бытует мнение, будто заговорщики решились на это под воздействием винных паров (они отправились к императору после ужина, сопровождаемого обильной выпивкой), но думается, что такие утверждения беспочвенны. Судьба Павла I была определена заранее. Он вызывал у заговорщиков слишком большую ненависть, чтобы надеяться на их великодушие.

Что же касается Александра, то весьма вероятно, что он и в самом деле был далек от мысли, что отца убьют. Тому же Палену было выгодно до последнего момента держать наследника в неизвестности, чтобы затем поставить его перед свершившимся фактом. Что и было сделано.

Убив Павла I, заговорщики тем самым кровью повязали с собой Александра, поэтому в дальнейшем все его уверения о том, что он не давал согласие на убийство отца, выглядели трусливым самооправданием и не встречали ни у кого сочувствия.

С этой незаживающей душевной раной и жил всю жизнь Александр. Она роковым образом подействовала на него, заставляя нового императора все время казнить ужасной мыслью отцеубийства и предаваться тяжелейшим укорам совести. С этим, в конце концов, связана и легенда об уходе Александра из мира и его объявление через двенадцать лет в Сибири в образе старца Федора Кузьмича.

Такова в самых общих чертах прелюдия легенды, и теперь остается проследить ее становление, задуматься над тем, действительно ли император Александр I воплотился в образе упомянутого старца, и рассмотреть имеющиеся на сегодняшний день варианты этого перевоплощения. А также – проанализировать те предположения относительно личности Федора Кузьмича, которые имеются на сегодняшний день.

Александр I родился в 1777 году, следовательно к моменту смерти, случившейся в Таганроге 19 ноября 1825 года, ему было всего 48 лет. Смерть в таком возрасте, который считается расцветом мужских сил, была удивительна еще и потому, что Александр от рождения был необыкновенно здоровым человеком, никогда ничем не болевший. И вот всего за две недели его свела в могилу якобы простудная лихорадка, настигшая императора во время поездки по Крыму.

Конечно, в жизни бывает всякое, но стоит согласиться и с тем, что такая скоротечная смерть в отношении Александра действительно выглядит подозрительно. Именно поэтому на другой же день после кончины императора поползли слухи, что с ней, с кончиной, дело обстоит странно.

Говоря об этом, автор должен отметить тот факт, что в исторической литературе версия смерти Александра I от простуды не оспорена и до сих пор. Лишь однажды автору пришлось столкнуться с утверждением, будто смерть Александра стала результатом отравления, но об этом говорилось в художественном произведении, так что нельзя отнести к этому заявлению серьезно.

Но что понадобилось русскому императору, могущественнейшему монарху тогдашней Европы, победителю Наполеона, в заштатном городке Таганроге? Каким ветром его занесло туда?

Как ни странно, в источниках нет ответа на этот вопрос. Считается, что Александр I был большой любитель путешествовать, и это вполне подтверждается, стоит лишь изучить маршруты поездок императора по России- они очень впечатляют. Остается принять на веру,

что и в Таганроге Александр I оказался только потому, что им в очередной раз овладела охота к перемене мест. Правда, в «Истории династии Романовых» Марии Евгеньевой (за этим псевдонимом скрывается неизвестный автор), изданной в предреволюционные годы, говорится о том, в Таганрог император поехал вслед за женой, которая якобы заболела и которой врачи предписали лечение на юге.

Так это или не так, не столь уж и важно, но уже осень 1825 года Александр I с женой, императрицей Елизаветой Алексеевной, объявился в Таганроге.

По внешнему виду сорока восьмилетний император не производил впечатления страдающего человека, однако годы жизни и царствования оставили в его душе глубокий и тяжелый след. Не исполнились мечты юности о введении в России конституции и о смягчении положения крестьянства, один за другим следовали потрясения в личной жизни – сначала, в 1818 году, умерла любимая сестра Александра Екатерина Павловна, а вскоре, в возрасте 16 лет, скончалась его любимая дочь Софья. О терзаниях в связи с убийством Павла I уже говорилось, так что можно представить себе душевный настрой императора, когда уже в Таганроге он в довершении ко всему получил от своих агентов сообщение о широком антиправительственном заговоре в армии (нарыв прорвется в декабре 1825 года на Сенатской площади в Петербурге). Как видим, спокойствия не было, о чём свидетельствуют и обращения Александра к религии, и попытка найти какое-то облегчение в мистицизме.

Когда заходит речь о том, что Александр I якобы инсценировал свою смерть, а на самом деле тайно удалился от престола и начал частную жизнь, приводят в пример его странное поведение в день отъезда в Таганрог. Свидетели рассказывали, что в этом поведении ясно звучала нотка прощания с петербургской жизнью. Александр посетил в Павловске мать, ночью побывал в Александровской лавре, где были похоронены его дочери, после чего сел в коляску и покинул Петербург. Но у заставы долго стоял, обернувшись лицом к городу, словно прощался с ним навсегда.

Загадочны некоторые высказывания Александра и после его приезда на юг. Так, в одном из разговоров с генерал-адъютантом князем П. М. Волконским император заявил о своём желании навсегда остаться в Крыму и жить там как частный человек. При этом он добавил, что честно отслужил государству и людям 25 лет, а после такого срока даже солдатам дают отставку.

Но здесь надо заметить, что в похожем духе Александр I высказывался и раньше, из чего некоторые исследователи делают вывод о том, что он будто бы тяготился короной и хотел передать её достойному претенденту ещё при своей жизни. В известной мере эти утверждения оправданы, поскольку за два года до смерти Александр официально объявил своим наследником брата Николая. При этом был составлен необходимый документ, который надлежало вскрыть не по кончине императора, а по его указанию, то есть в любой момент, как только это покажется нужным Александру. Что и дало основания говорить о его нежелании остаться царем до смерти, как это было принято во всех царствующих династиях.

Однако имеется немало фактов и противоположного свойства, говорящих о стремлении Александра сохранить корону за собой, так что в этом вопросе невозможно отдать предпочтение какой-либо из версий. Каковы были действительные планы Александра – об этом знал только он сам.

Смерть императора в Таганроге, как уже говорилось, была неожиданной для всех.

Роковым днем, приведшим к трагической развязке, считается 27 октября 1825 года, когда Александр ехал верхом из Балаклавы в Георгиевский монастырь. Дорога длилась четыре часа, дул сильный ветер, а император был одет в один лишь мундир. Нездоровье он ощутил уже в Бахчисарае, где у него поднялся жар, который он пробовал остудить барбарисовым соком. Но жар не спадал, и в Таганрог император вернулся уже совершенно больным. Врачи, находившиеся при Александре, определили болезнь как простудную лихорадку

и стали соответственно с диагнозом лечить ее, но все их усилия оказались напрасны: ко всеобщему изумлению, император, проболев две недели, умер в таганрогской резиденции 19 ноября.

Растерянность была общая. Предстояло привести к присяге новому императору народ и армию, но никто не знал, кто будет этим новым самодержцем. Его имя было начертано на документе, хранившемся в Успенском соборе в Москве, но пока это имя выясняли, прошло несколько дней, в течение которых в России, по сути, было безвластие. Кроме того, умершего требовалось доставить в Петербург, чтобы похоронить в фамильной усыпальнице в Петропавловской крепости, а это означало, что мертвое тело необходимо перевезти через всю Россию. Железных дорог тогда не было, везти мертвеца предстояло в специальной повозке, и в этих условиях первоочередной задачей становилось сохранение тела Александра в нетленном виде. Забегая вперед, стоит отметить, что транспортировка тела заняла ровно два месяца – с 29 декабря 1825 года по 28 февраля 1826-го, так что уже из этого читатели уяснят себе те трудности, которые встали перед докторами. Им надлежало со всем тщанием забальзамировать тело покойного и тем самым обеспечить его сохранность на долгом пути.

Сделать это в полном объеме не удалось. В Таганроге не оказалось нужных для бальзамирования материалов (в частности, не хватало даже спирта, в котором тело покойного должно было содержаться несколько дней), и оно было произведено с нарушением общепринятой технологии, что не замедлило сказаться на результатах. Обработка тела еще продолжалась, а черты покойного уже стали неузнаваемо меняться, так что, когда бальзамирование закончили, никто не узнавал в покойном бывшего императора.

Это и породило слухи, первым из которых был: в гроб положили не императора Александра, а его фельдъегеря Маскова, трагически погибшего при дорожной аварии незадолго до смерти императора. Сам же Александр, утверждали слухи, не умер, а ушел странствовать по России.

Другой вариант – государя извели «придворные изверги», а чтобы покрыть свое злодеяние, подменили умершего.

29 декабря 1825 года гроб с телом императора провезли в Петербург. Туда он прибыл в последний день февраля следующего года. Прибыл не без приключений. Поскольку, по словам историка Г. Василича, «молва бежала впереди гроба Александра» а Туле народ, взбуряженный слухами, намеривался вскрыть гроб, чтобы удостовериться, действительно ли в нем везут императора. Пришлось вмешаться полиции, не допустившей проверки.

Чтобы исключить подобное в Москве, к Кремлю, где в Архангельском соборе поставили царский гроб, власти стянули войска, а у ворот выставили артиллерию.

Тело императора не было показано народу и в Петербурге. Гроб открыли ночью в Петропавловском соборе, в котором собрались лишь ближайшие родственники покойного, чтобы проститься с ним и предать земле (о загадке захоронения будет сказано ниже).

Таким образом, поводов для всевозможных пересудов и слухов было предостаточно. Однако со временем они затихли, и десять лет умершего императора вспоминали только в его семье. Впрочем, «семья» – это слишком сильно сказано, поскольку уже весной 1826 года, когда при возвращении из Таганрога в Белеве умерла жена Александра I императрица Елизавета Алексеевна (тоже странная смерть), семья, по сути, перестала существовать. И поминать покойного могли лишь братья – император Николай I и Константин.

Забвение продолжалось десять лет, как вдруг в далекой Сибири появился человек, всколыхнувший давно забытое и породивший массу новых слухов как об умершем императоре, так и о самом себе. Но прежде чем вплотную заняться рассмотрением фигуры этого человека, необходимо остановиться вкратце на тех подозрительных моментах, связанных с болезнью и смертью Александра I, которые в немалой степени дали волю всем тем слухам,

о которых говорилось выше и которые в такой же степени способствовали возникновению легенды о «воскрешении» императора в образе старца Федора Кузьмича.

Почувствовав недомогание еще 27 октября, Александр I возвратился 5 ноября из поездки по Крыму в Таганрог и слег. И хотя никаких признаков смертельной болезни у императора не было, 5-го же ноября три самых близких к нему человека – императрица Елизавета Алексеевна, генерал- адъютант Волконский и лейб-медик Виллие – начали, независимо друг от друга (?), вести дневники о ходе болезни Александра. Волконский и Виллие закончили свои записи в день смерти Александра, 19 ноября, Елизавета Алексеевна – неделей раньше.

Исследователей до сих пор волнует вопрос: чем объясняется такое поразительное единодушие названных лиц, когда, повторяем, ничто не предвещало трагического исхода? По их мнению, оно или необъяснимо вообще или обусловлено сговором между авторами дневников, которые поставили целью создать единую картину развития болезни императора. Если допустить, что болезнь лишь симулировалась, а на самом деле готовилось исчезновение Александра, то версия о болезни, подтвержденная близкими к нему людьми, вполне объясняла и его смерть, на самом деле мнимую.

Немало удивлений вызывает и протокол вскрытия. Составленный врачами Стоффрегом (медиком императрицы), Тарасовым и все тем же Виллие, он являет собой «шедевр» эскулапова искусства, по которому невозможно понять не только ход болезни Александра, но и сказать с полной ответственностью, что в нем отражены моменты вскрытия именно императора, а не какого-то другого человека. То есть налицо та же запутанность, что и в случае с дневниками.

Следующий, не до конца выясненный, вопрос: кто же до самого последнего вздоха находился возле умирающего? Судя по дневникам – их авторы плюс доктор Тарасов. Однако советский историк профессор Андрей Сахаров, изучая документы, касающиеся таганрогских событий, обнаружил существенную «нестыковку» между дневниковыми записями и действительными фактами. Оказалось, что в последние дни жизни Александра возле него не раз и подолгу оставалась ОДНА императрица, и этот факт открывает широкий простор для всякого рода предположений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.